

КОВЧЕГ



РЭЙМОНД СТРАЙД

Рэймонд Страйд

Ковчег

«Автор»

2026

Страйд Р.

Ковчег / Р. Страйд — «Автор», 2026

Война подняла океан. Прибрежные города ушли под воду, суша стала мёртвой, море изменилось. Джеймс — водолаз-сварщик. Девять лет назад он ставил подводные шлюзы антарктического убежища, и его швы не нашёл бы ни один дефектоскоп. Семь лет назад к этим воротам пришли тысячи людей, но ворота не открылись. Почему — Джеймс не знает. Он носит во внутреннем кармане старый пропуск строителя и никому его не показывает. Теперь он идёт под килем «Ковчега» — ржавого судна, где на шестьдесят с лишним человек сорок мест. Его подлодка собрана из портового батискафа и хлама со дна. Он расчищает минные поля, вскрывает днища вражеских катеров, поднимает топливо — светящуюся руду, которая убивает того, кто её несёт. За «Ковчегом» идёт Ржавый флот. Его Адмирал вежлив по радио, знает об убежище больше, чем говорит, и называет его домом. А из глубины, на запах горячей руды, поднимается тот, кто был в этом океане задолго до людей.

© Страйд Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пустошь	5
Глава 2. Лишние	14
Глава 3. Город	23
Глава 4. Метро	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рэймонд Страйд

Ковчег

Глава 1. Пустошь

Мина висела в шести метрах над крышей синего фургона и поворачивалась на тресе: пол-оборота влево, пол-оборота обратно. Течение шло с севера, со стороны бывшего шоссе, и все мины поворачивались одинаково, разом, как головы в зале. Джеймс насчитал восемь, пока вёл луч прожектора слева направо. Ржавые шары, рожки, каждый на своём минрепе. Мины были старые. Поставили их недавно: скобы на минрепах блестели свежим металлом, а якоря ещё не успели уйти в ил, лежали сверху, квадратные, тяжёлые, с цифрами, выведенными белой краской.

Кто-то закрывал выход из гавани. Джеймс догадывался кто.

Он сбросил ход до нуля и повис.

В сфере стало тихо. Двигатель стоял, насос балласта молчал, вентилятор скруббера гудел на самом низком режиме, и этот гул Джеймс давно не слышал, как не слышат собственного пульса. Перед лицом был иллюминатор, толстый, исцарапанный, с жёлтым пятном в нижнем углу, которое не отмывалось ничем. За иллюминатором начинался синий цвет. Ближе к поверхности он светлел до молочного, и в нём косо стояли лучи, широкие, медленные, они смещались вслед за волной наверху и ложились на дно бледными полосами, которые ползли по крышам, по капотам, по илу и снова уходили вверх. Глубже синий густел, переходил в серое, а серое переходило в дно.

На дне лежал пригород.

Улица уходила вперёд и вниз, под пологим уклоном, и вдоль неё стояли дома, одноэтажные, с двускатными крышами и верандами. Заборы повалило почти везде, кроме одного, кирпичного, который держался непонятно на чём. У домов стояли машины. Многие так и остались у бордюров, все носами в одну сторону, словно хозяева вышли на минуту за хлебом. Стёкла у большинства уцелели, только изнутри их затянуло бурой плёнкой, и заглянуть в салон было нельзя. На ближайшей крыше торчала спутниковая тарелка, обросшая серыми губками, мягкими даже на вид. Через два дома начиналась детская площадка: горка, качели на одной цепи, песочница. Песка в песочнице видно не было, его сровняло илом, и деревянный бортик торчал из дна пустой квадратной рамкой.

Джеймс разглядывал всё это ровно столько, сколько требовалось, чтобы запомнить, где что стоит. Синий фургон под первой миной, кирпичный забор справа, горка левее, столб с оборванными проводами, которые висели в воде и шевелились, как длинные волосы. Если придётся уходить быстро, лучше знать заранее, обо что ударишься.

Потом снял с крючка микрофон.

— «Ковчег», здесь Бочка. Вижу заграждение. Восемь штук, может, больше. Стойте на месте.

Ответ пришёл не сразу. Гидроакустика превращала любой голос в голос из консервной банки, и слова доходили с опозданием, растянутые, словно вода жевала их по дороге.

— Стоим, — сказал Сайрус. — Марта спрашивает, сколько тебе нужно.

— Час.

— Марта говорит, у тебя сорок минут.

Джеймс посмотрел на заряд аккумуляторов. Выходило пятьдесят пять минут работы с запасом на возвращение: гидравлика манипуляторов ела аккумуляторы быстрее винта. Спо-

рить он не стал. Марта всегда давала меньше, чем было на самом деле, и всегда оказывалась права, потому что что-нибудь всегда шло не так.

— Понял, — сказал он и повесил микрофон.

Тронул рукоять. Винт за спиной провернулся с тихим всхлипом, и лодка пошла вперёд на самом малом, опустив нос, чтобы прожектор смотрел вниз. Свет выхватил из синевы первый якорь, белые цифры, натянутый минреп, уходящий вверх. Джеймс поднял луч вдоль троса и нашёл мину.

Вблизи она оказалась больше, чем казалась издали. Ржавчина облезала с неё слоями, и под ржавчиной проступала старая серая краска, а под краской снова ржавчина. Рожки торчали во все стороны, пять штук, на каждом свинцовый колпачок. Один колпачок был смят. Джеймс смотрел на него и думал, что внутри стеклянная ампула с электролитом, и что ампула, возможно, уже треснула, а возможно, нет. Узнавать это не хотелось.

Коридор для «Ковчеха» нужен был метров сорок шириной. Джеймс прикинул: из восьми мин на курсе стоят четыре. Остальные можно оставить, пусть висят. Флажки потом.

Он подвёл лодку к первому якорю, развернулся бортом к течению и выпустил манипулятор.

Правая рука у Бочки была своя, родная, от портового батискафа: гидравлическая, в три сустава, с кусачками на конце, рассчитанными на трос толщиной в палец. Левую Джеймс приварил сам полгода назад, сняв её со списанного дока, и она слушалась хуже, дёргалась на втором суставе, но держала крепко. Левой он прихватил минреп у самого якоря, чтобы трос не играл. Правой зашёл снизу.

Кусачки сомкнулись. Трос поддался не сразу, скрипнул так, что звук прошёл по корпусу и Джеймс услышал его спиной. Потом лопнул.

Мина пошла вверх.

Она поднималась быстро, освобождённая, и минреп свистел за ней, извиваясь змеёй, а вода вокруг вспухала мутным облаком ржавчины. Джеймс сдал назад, отводя лодку от троса. Мина вылетела в светлый слой, на секунду повисла там чёрным пятном среди лучей и пробила поверхность. Он не видел, как она выскочила наверх, но видел, как дрогнула граница между водой и воздухом, серебряная, перевёрнутая, и как по ней разбежались круги.

— Одна пошла, — сказал он в микрофон. — Северо-восток от вас, метров триста. Течение несёт к вам. Пусть Нико ждёт, пока отнесёт к остоу.

— Нико ждёт.

Джеймс подвёл лодку ко второму якорю.

Работа под водой шла медленно, и это было в ней лучшее. Здесь нельзя было торопиться, потому что каждое лишнее движение поднимало ил, а ил садился долго и забирал видимость на минуты. Здесь нельзя было махнуть рукой, нельзя было крикнуть. Можно было только подойти, взять, сделать. Наверху всё было наоборот: там всё всегда горело, всё всегда было срочно, и люди орали друг на друга, потому что от этого им становилось легче. Джеймс так и не научился.

Вторая мина ушла чисто. Третья тоже, хотя на третьей левый манипулятор дёрнулся на втором суставе и Джеймс на полсекунды перестал дышать, глядя, как трос ведёт в сторону, к рожкам. Трос не дошёл. Кусачки щёлкнули. Мина ушла вверх.

На поверхности бахнуло.

Звук пришёл не через воздух, а через всё сразу: через воду, через корпус, через кресло, через позвоночник. Глухой удар, как кулаком в дверь соседней квартиры. Иллюминатор дрогнул, лучи сверху качнулись и разошлись, и пригород на секунду поплыл. Потом всё успокоилось. Лучи сошлись обратно. С крыши ближайшего дома снялась стайка серебристой мелочи и ушла за угол.

— Первая, — сказал Сайрус. Даже через жестянку было слышно, что он доволен. — Нико попал со второго.

— Скажи ему, чтоб с первого.

— Сам скажи.

Джеймс подвёл лодку к четвёртому якорю.

Четвёртый лежал неудачно, вплотную к столбу с проводами. Провода висели в воде длинными чёрными петлями и шевелились по течению, и минреп проходил прямо сквозь них. Джеймс долго смотрел на это, держа лодку на месте короткими толчками винта. Потом посмотрел на часы. Двадцать шесть минут из сорока.

Он зашёл с другой стороны, туда, где провода висели реже, и выпустил кусачки на всю длину.

Трос лопнул с тем же скрипом, мина пошла вверх, и на третьем метре её минреп захлестнуло петлёй провода. Мина дёрнулась и встала. Повисла в воде, качаясь, на половине пути между дном и светом. Течение толкнуло её, провод натянулся, столб наклонился и заскрипел у основания, и мина пошла по дуге. Медленно, неторопливо, прямо на Бочку.

Джеймс дал задний ход. Винт взбил ил, облако поднялось снизу и закрыло прожектор, и он остался в бурой мути, ничего не видя, с миной где-то впереди и выше, которая шла на него по дуге и которую он больше не видел.

Он остановил винт.

Сидел и слушал. Под водой слышно было много: скрип столба, далёкий звон, глухой стук, с которым что-то металлическое касалось чего-то металлического. Корпус «Ковчега» над гаванью, наверное. Или фургон. Собственное дыхание. Муть медленно оседала. Стала из бурой серой, из серой голубоватой, и сквозь неё проступил чёрный круг, огромный, с отростками.

Рожок смятым колпачком смотрел ему в иллюминатор. Между колпачком и стеклом было метра полтора.

Мина покачивалась. Провод держал её. Течение толкало вперёд, провод тянул назад, и она висела в равновесии, как весы, у которых на обеих чашках одинаково.

Джеймс не стал отходить. Отход опять поднял бы ил. Он медленно, очень медленно, выдвинул левый манипулятор, тот, что дёргался, и повёл его не к мине, а ниже, к натянутому проводу под ней. Второй сустав подрагивал. Он вёл руку так, как когда-то вёл электрод вдоль шва в холодной воде, когда пальцы не чувствуют держака и чувствуешь только запястьем, и когда шов либо есть, либо его нет. Клешня дошла до провода. Сомкнулась.

Теперь мина держалась на его руке.

Он выдвинул правую, с кусачками, и завёл её за провод, выше захвата. Мина качнулась, рожок прошёл в ладони от стекла, и Джеймс увидел, что на свинцовом колпачке вырос мелкий белый рачок, и что у рачка шевелятся ножки.

Кусачки щёлкнули. Провод лопнул.

Мина ушла вверх, свободная, и захлёстнутый минреп свистнул мимо иллюминатора, ударил по корпусу, раз, другой, и тоже ушёл вверх, вслед за ней, к лучам.

Джеймс выдохнул. Посмотрел на заряд, потом на часы. Тридцать четыре.

— Четыре ушли, — сказал он в микрофон. Голос оказался хриплым, и он откашлялся. — Коридор чистый. Ставлю флажки. Остальные висят на месте, обходить левее на двадцать. Глубина под килем десять.

— Принял. — В жестянке зашуршало. — Марта спрашивает, что у тебя там было.

— Ничего.

— Она слышала, что ты замолчал.

— Флажки, — сказал Джеймс и повесил микрофон.

Флажками служили пустые канистры из-под масла, выкрашенные в оранжевый, на тонком тросе с грузилом. Он поставил их по краям коридора, восемь штук, по четыре с каждой

стороны, и каждая канистра уходила вверх и повисала у поверхности, покачиваясь яркой точкой на фоне светлого слоя. Сверху их будет видно с мостика. Снизу они выглядели как воздушные шары, которые дети отпустили и которые застряли, не долетев.

Детская площадка оказалась прямо под последним флажком. Джеймс опустил груз рядом с горкой и, отводя лодку, развернул прожектор, чтобы проверить, лёг ли груз ровно. Луч прошёл по горке, по качелям, по песочнице. В песочнице, в иле, по самое горлышко, стояло синее пластмассовое ведёрко.

Он выключил прожектор и пошёл вверх.

Всплытие начиналось с давления. Сначала оно уходило из ушей, мягко, с тихим шелчком. Потом уходил синий: с каждым метром становилось светлее, лучи становились ярче и уже, и в какой-то момент вода над иллюминатором переставала быть водой и становилась потолком, серебряным, рябым, живым, в котором колыхались тени.

Одна тень была огромной.

«Ковчег» висел над ним, и снизу его днище закрывало полнеба. Длинный, тёмный, обросший бородой зелёных водорослей от ватерлинии до киля, с ржавыми потёками у швов, с винтом на корме, который сейчас стоял, и с рулём, на котором сидели мидии гроздьями. Когда-то это было рыболовное судно, потом грузовое, потом ещё что-то. Теперь это было то, что было. Под килем, ближе к середине корпуса, темнел квадрат, обведённый белой краской: шлюз. Джеймс сам варил его раму, в доке, полтора года назад, и сам наносил краску, потому что ночью снизу шлюз иначе не найти.

Он поднял лодку под квадрат, выровнял по меткам, дал балласт. Бочка пошла вверх последние два метра, и её верхний люк вошёл в раму шлюза с глухим лягом, от которого по корпусу «Ковчега» прошла дрожь. Потом захваты. Сверху, из нутра корабля, кто-то затянул их ломом, и Джеймс услышал, как по железу стучат сапоги.

Он отвинтил люк.

Первым пришёл запах. Солянка, дым, сырое железо, капуста, люди. Шестидесят с лишним человек, которые жили в трюме, где раньше хранили рыбу, и которые неделями не мылись пресной водой. После скруббера этот воздух бил в лицо тёплой мокрой тряпкой.

Потом пришёл звук.

Кто-то кричал наверху. Кто-то стучал молотком. Ребёнок плакал, и женщина пела ему, не попадая в ноты. Генератор рычал в машинном отделении, и его рык шёл по всему корпусу, сквозь все переборки. Над головой, на палубе, бегали. Гремела цепь.

Свет был жёлтым. Лампы на проводах, по одной на десять метров, и между ними темнота.

Джеймс вылез из лодки, сел на край шлюза и посидел так, пока ноги вспоминали, что такое вес.

— Живой, — сказал Сайрус.

Сайрус был механиком, а ещё радистом, а ещё тем, кто сидит у шлюза, когда Джеймс внизу. Худой, рыжий, с руками, которые никогда не отмывались до конца. Сейчас он стоял над шлюзом с ломом на плече и смотрел на правый манипулятор Бочки, на котором висел клочок провода.

— Это что?

— Провод.

— Я вижу, что провод. — Сайрус присел и отцепил его. — Это ты из-за него молчал?

Джеймс промолчал, поднялся и пошёл к трапу.

На палубе было светло, и свет резал глаза после трюма. Ветер, соль, серое небо низко, серая вода во все стороны. Гавань раскрывалась вокруг «Ковчега» полукругом, и на краях полукруга из воды торчали крыши. Крыши, верхушки деревьев, мёртвых, белых, без листьев. Фонарные столбы. Справа, ближе к берегу, верхние этажи какого-то здания, с выбитыми

окнами, в которых сидели чайки. Дальше, за гаванью, начинался город, и там из воды поднимались небоскрёбы, серые, слепые, похожие на зубы. Над ними висел дым.

Нико стоял на баке с винтовкой и смотрел на воду, туда, где в сотне метров от борта плавала последняя мина, медленно уходящая в сторону остова баржи.

— Не стреляй пока, — сказал Джеймс, проходя мимо.

— Знаю, — сказал Нико.

Ему было лет шестнадцать. Он стрелял лучше всех на борту, и все об этом знали, и он знал, что все знают, и поэтому иногда мазал.

Марта стояла на мостике. Мостиком это называлось по старой памяти: рубка со снятыми дверями, с выбитым стеклом слева, затянутым плёнкой, со штурвалом и тумбой машинного телеграфа, у которой осталась одна ручка из двух. Марта держалась за эту ручку, как за чью-то ладонь.

Она была ниже Джеймса на голову и старше лет на десять. Седые волосы стрижены коротко, неровно, сама себе стригла, ножом, наверное. Куртка с чужого плеча, свитер под горло. Лицо обветренное, в мелких морщинах вокруг глаз, и глаза светлые, водянистые, в которых ничего нельзя было прочесть. Джеймс знал её полтора года. За полтора года он так и не научился угадывать, о чём она думает.

— Тридцать восемь минут, — сказала Марта.

— Уложился.

— Впритык. Я считала. — Она смотрела не на него, а вперёд, на оранжевые точки флажков. — Левее на двадцать?

— Да. Там ещё четыре висят. Если левее, пройдем.

— А если нет?

— Пройдем.

Она кивнула. Двинула ручку телеграфа. Где-то внизу звякнул ответный звонок, и рык генератора изменился, стал ниже, тяжелее, и под ногами пошла дрожь. «Ковчег» тронулся.

Шли медленно. Джеймс стоял рядом с Мартой и смотрел, как первая пара флажков проходит по бортам, оранжевая, весёлая. Он смотрел вниз, на воду, и знал, что под водой сейчас проходит синий фургон, и площадка, и ведёрко. Сверху вода была просто серой.

— Мины чьи? — спросила Марта.

— Свежие скобы. Якоря не просели. Поставили на днях.

— Значит, Крюк.

— Значит, Крюк.

Марта помолчала, потом сказала:

— Он закрывает гавань не от нас. Он закрывает её для себя. Всё, что выходит отсюда на юг, пойдёт мимо его причалов. Или не пойдёт вообще. — Она перевела взгляд на Джеймса. — Он знает, куда мы идём.

— Все знают, куда мы идём.

— Все думают, что знают.

Джеймс не стал отвечать. За стеклом рубки, на палубе, сидели люди. Человек двадцать вылезли из трюма подышать и сидели вдоль борта на ящиках, на свёрнутых канатах, на корточках. Старики, женщины, дети. Мужчин мало. Те, что были, смотрели на воду с одинаковым выражением, которое Джеймс видел у многих с тех пор, как вода поднялась: так смотрят на собаку, которая уже один раз укусила.

Старуха Рут сидела ближе всех к рубке, на перевернутом ведре, и чистила картошку. Картошка была мелкая, сморщенная, проросшая. Рут резала ростки ножом и бросала их за борт, и чайки хватали их на лету.

— А там правда тепло? — спросил кто-то из детей. Девочка, лет семи. Она сидела рядом с Рут и смотрела на рубку снизу вверх, прямо на Джеймса. — В убежище?

Рут шикнула на неё. Девочка не отвела глаз.

Джеймс посмотрел на Марту. Марта смотрела вперёд.

— Там теплицы, — сказала Рут, не поднимая головы. — Помидоры круглый год. Мне сосед рассказывал, у него брат там работал. Реактор, свет как днём, и помидоры.

— А до него далеко?

— Далеко, — сказала Рут. — Чисти давай.

Она сунула девочке нож и картофелину. Девочка взяла, но смотрела всё ещё на Джеймса. Он отвернулся.

Рука сама нашла нагрудный карман куртки изнутри. Пальцы нащупали через ткань пластиковый прямоугольник с закруглёнными углами, жёсткий, с трещиной по одному краю. На месте. Он убрал руку.

Марта это видела. Она видела всё. Ничего не сказала.

— Сколько нейтрита осталось? — спросил он.

— Сайрус говорит, недели на полторы полного хода. Если на половинном — на три. — Марта поморщилась. — На половинном мы до шельфа не дойдём раньше, чем Крюк нас найдёт.

— На шельфе есть руда.

— На шельфе есть промзона. Где-то в промзоне есть руда. Где-то рядом с рудой есть то, что на неё сползается. — Она посмотрела на него снова. — Ты пойдёшь.

Это был не вопрос, и Джеймс не стал отвечать на него как на вопрос.

Последняя пара флажков ушла за корму. «Ковчег» вышел из пригородного мелководья на открытую воду гавани, и дно под ним пошло вниз, Джеймс почувствовал это по тому, как изменилась качка, стала длиннее и мягче. Справа и слева в серой воде торчали остовы. Брошенные суда, лодки, баржи: одни затонули наполовину, другие легли на бок, от третьих над водой осталась только мачта с обрывком флага. Над одним из остовов кружили чайки.

Нико на баке поднял винтовку.

Выстрел был сухим, коротким, и почти сразу за ним с воды пришёл второй звук, гулкий, тяжёлый, от которого задребезжала плёнка в окне рубки. Над водой у остова баржи встал белый столб, постоял секунду и осел, и по гавани пошла волна, кругами, к берегу, к крышам, к мёртвым деревьям. Чайки с криком снялись все разом.

На палубе кто-то заплодировал. Нико опустил винтовку и, не оборачиваясь, поднял над головой руку с растопыренными пальцами.

— С первого, — сказал Сайрус в дверях рубки. Он поднялся следом за Джеймсом и стоял теперь, привалившись к косяку, с ломом всё ещё на плече. — Ты слышал? С первого.

— Слышал.

— Скажи ему.

Джеймс не сказал. Он смотрел туда, где оседал столб воды, и прикидывал, далеко ли в такой воде разошёлся удар и что он поднял со дна.

— Мне нужно вниз, — сказал он Марте. — До выхода из гавани. Если Крюк ставил мины на входе, он мог поставить и дальше.

— Заряд?

— Хватит.

— Заряд, Джеймс.

— Сорок минут.

Марта посмотрела на него долго. Потом кивнула.

— Тридцать.

Он спустился в трюм.

Второй спуск всегда давался легче первого: Бочка была уже тёплой, скруббер разогнался, на иллюминаторе изнутри не стояла роса. Сайрус задраил шлюз над ним, стукнул дважды ломом по раме, на удачу, и Джеймс отдал захваты.

Лодка пошла вниз, и наверху остались крики, запахи, жёлтый свет. Звук ушёл почти сразу, срезанный водой, и остался только гул скруббера и плеск за бортом, а через минуту и плеска не стало. Синий сомкнулся над ним.

Джеймс выдохнул. Плечи опустились сами.

Он пошёл впереди «Ковчега», в двадцати метрах от его носа, на глубине, где ещё было достаточно света, чтобы не включать прожектор. Дно здесь было глубже, метров восемнадцать, и на нём стояли уже не дома, а промзона пригорода: склады, ангары, забор из бетонных плит с колючей проволокой поверху, поваленный в двух местах. Автостоянка с ровными рядами грузовиков. Погрузочная рампа. Вывеска на крыше длинного ангара: буквы, наполовину осыпавшиеся, из которых складывалось название какой-то фирмы. Буквы обросли бурыми водорослями, и водоросли тянулись вверх, к свету, и колыхались, как пламя в замедленной съёмке.

Мин не было.

Джеймс включил гидрофон, чтобы слушать дальний шум. В наушниках зашипело. Шипение воды, щелчки креветок, сухие, частые, как дождь по жести. Низкий ровный гул «Ковчега» позади. Далеко, на пределе слышимости, глухое ворчание: чьи-то моторы, за выходом из гавани. Крюк, наверное. Или ещё кто-то.

И стук.

Он не сразу понял, что это стук. Он был тихим, на фоне креветок почти неразличимым. Три удара, перерыв, снова три. Металл о металл.

Джеймс остановил лодку.

Три удара, тишина, снова три.

Он повернул голову, хотя гидрофон был на корпусе и головой поворачивать было бесполезно. Покрутил ручку направленного приёма, медленно, по кругу, и на северо-западе стук стал громче.

Три. И ещё три.

Это не было случайностью. Течение могло стучать чем-нибудь о что-нибудь, но течение не считает до трёх.

— «Ковчег», здесь Бочка, — сказал он. — Стоп машина.

— Что там? — Сайрус.

— Стоп машина.

Он развернул лодку на северо-запад и пошёл на звук.

Стук шёл от длинного складского корпуса, того самого, с вывеской. Джеймс обошёл его вдоль стены, двигаясь медленно, с выключенным прожектором, в рассеянном синем свете, который здесь, на восемнадцати метрах, уже был тусклым, как вечер. Стены ангара были из профилированного металла, местами промятые, местами прорванные. Сквозь прорывы было видно чёрное нутро. Погрузочные ворота на торце были распахнуты, и одна створка сорвалась с петель и висела наискось. Внутри было темно.

Джеймс включил прожектор.

Внутри был склад. Стеллажи в три яруса, высокие, до потолка, многие обрушились и легли друг на друга, как костяшки домино. Коробки, раскисшие в кашу. Банки, тысячи банок, рассыпанные по полу, ржавые, вздутые. Погрузчик лежал на боку. Луч пошёл вверх, вдоль стены, и остановился.

Под потолком, на высоте метров пяти над полом, тянулась антресоль. Металлический настил, перила, лестница вниз, которая теперь обрывалась на середине, потому что нижняя часть отломилась и лежала на полу. Антресоль шла вдоль всей дальней стены, а над ней, под

самой крышей, было что-то ещё. Застеклённое помещение. Конторка, офис, бытовка. Стёкла целы, Джеймс видел, как луч отражается от них.

А над стёклами, под потолком, была граница.

Он узнал её сразу. Серебряная, рябая, перевёрнутая. Та же граница, что над ним в гавани, только маленькая, в тесном пространстве под крышей, плоская и неподвижная. Воздух. Где-то под крышей склада остался воздух, и верхний край застеклённой конторки был в нём, над водой.

Снова три удара.

Звук шёл оттуда. Кто-то стучал по трубе, по батарее, по перилам. Кто-то, кто был в конторке, в воздухе, под крышей затопленного склада на дне гавани.

Джеймс подвёл лодку ближе. Луч прошёл по стёклам конторки, и за одним из них мелькнуло что-то. Движение. Лицо, бледное, мокрое, прижатое к стеклу. Потом второе. Глаза, большие, в свете прожектора неестественно светлые.

Двое. Нет, трое. Третий лежал на полу, и над ним кто-то склонился.

— «Ковчег», — сказал Джеймс. — Здесь люди.

Тишина в жестянке. Потом голос Марты, не Сайруса. К гидрофону она подходила редко.

— Сколько?

— Трое. В воздушном кармане, на складе. Под крышей.

— Как они туда попали?

Джеймс осветил вход. Нижняя часть лестницы валялась на полу, рядом — приставная, алюминиевая. Проход от ворот перегородил рухнувший стеллаж со свежей царапиной; под ним раскрытая сумка, банки рассыпались.

— Пришли за консервами, — сказал он. — Через крышу, наверное. Или с лодки нырнули. Стеллаж упал. Отрезало.

— Сколько у них воздуха?

Он посмотрел на конторку. На границу воды над ней. Тесный объём, бытовка метра три на четыре, может, пять, и сколько-то под крышей. Трое человек.

— Немного.

Долгая тишина в жестянке. Где-то наверху, над водой, Марта стояла у телеграфа, держалась за ручку, смотрела вперёд, на выход из гавани, где ворчали моторы Крюка. Джеймс представлял её лицо. Ничего в нём нельзя было прочитать.

— У нас нет на них места, — сказала Марта.

— Знаю.

— У нас нет на них еды. У нас нет на них воды. У нас шестьдесят три человека в трюме для сорока, Джеймс.

— Знаю.

— И у тебя нет времени. Ты не провезёшь их в лодке. В твоей бочке еле помещаешься ты сам.

Джеймс уже не слушал. Он развернул лодку кормой к воротам, так, чтобы шлюзовая камера смотрела внутрь склада, и проверял давление в баллонах, висевших на крюке за спиной вместе с гидрокостюмом. Два баллона, полные. Октопус, запасной регулятор, на длинном шланге. Маска. Ещё одна маска, старая, с треснувшим ремешком, на дне ящика. Фонарь.

— Джеймс, — сказала Марта. — Ответь.

Он натянул костюм. Неудобно, в тесноте сферы, головой о потолок, локтем о рукоять. Застегнул. Проверил регулятор. Вдох, выдох, свист.

Три удара. И ещё три.

— Держите «Ковчег» на месте, — сказал он в микрофон. — Двадцать минут.

— Джеймс.

— Пятнадцать.

Он отключил гидрофон, чтобы не слышать ответа, отдраил люк в шлюзовую камеру и полез туда. Задраил за собой. Открыл клапан. Вода пошла в камеру снизу, ледяная, сначала по щиколотку, потом по колено, потом по пояс, и он взял в зубы загубник и присел, и вода сомкнулась над головой. Он открыл нижний люк.

Склад был тёмным, огромным и тихим. Луч фонаря ушёл вперёд, к стеллажам, к антресоли, к конторке. Где-то за стеклом снова мелькнули лица.

Джеймс оттолкнулся от лодки и поплыл к ним, не думая, как не думают, когда ловят падающую со стола чашку.

Глава 2. Лишние

Антресоль начиналась на высоте пяти метров над полом склада, и Джеймс поднимался к ней вдоль стены, перебирая руками по профилю обшивки, чтобы не взбить ластами ил со стеллажей. Луч фонаря шёл впереди. В луче плавало всё, что склад копил семь лет: хлопья раскисшего картона, волокна, мелкая слепая живность, которая разлеталась от света и снова собиралась за спиной. Банки на полу внизу лежали рядами, где их не тронул обвал, и на каждой проступала сквозь ржавчину бумажная этикетка, давно ставшая серой кашей. В них, наверное, были персики. Или фасоль. Теперь это было неважно.

Настил антресоли оброс бурой бахромой. Перила погнулись в одном месте, и сквозь пролом можно было пролезть, не трогая лестницу. Джеймс пролез. Над головой, в двух метрах, висела граница — плоская, серебряная, неподвижная, и под ней темнела дверь конторки, наполовину в воде. Верхняя половина двери была стеклянной. Нижняя — металлической, с табличкой, на которой осталась одна буква.

Он всплыл.

Голова вышла из воды в темноту, и первым был запах. Плотный, кислый, тяжёлый, и дышать им было всё равно что дышать через мокрую тряпку, которой мыли пол. Джеймс не стал вынимать загубник. В таком воздухе голова начинает болеть через минуту, а через десять перестаёт соображать. Он повёл фонарём.

Конторка была маленькой. Стол, придвинутый к стене, над ним — полка, на полке папки, вздувшиеся, как хлеб. Батарея под окном. Стулья плавали вверх ножками. Над водой оставалось меньше метра, и потолок был низкий, рыжий от ржавчины, весь в каплях.

На столе лежал человек. Рядом с ним, на коленях, прямо на столе, потому что больше было негде, стояла женщина с ломиком в руке. Ломик был поднят. Мальчишка, тощий, лет четырнадцати, стоял по грудь в воде у батареи и держался за трубу обеими руками.

Луч фонаря попал женщине в лицо. Она не зажмурилась. Смотрела на Джеймса поверх света, прищурившись, и ломик не опускала.

Джеймс вынул загубник.

— Ковчег, — сказал он. Голос в тесноте прозвучал глухо, как в бочке. — Судно наверху. Я вас выведу. По одному.

Женщина смотрела на него ещё секунду, потом опустила ломик.

— У тебя один баллон, — сказала она.

— Два. Один запасной регулятор.

— Нас трое.

— По одному.

Она кивнула, словно именно это и хотела услышать, и повернулась к мальчишке.

— Тим. Ты первый.

— Я не пойду, — сказал мальчишка. Голос у него сорвался на втором слове. — Я его не оставляю.

— Пойдёшь.

— Лея...

— Тим.

Мальчишка замолчал. Он смотрел на человека на столе. Тот лежал на спине, лицо серое, мокрое, глаза закрыты, и дышал часто и мелко, как собака в жару. Правая нога у него была обмотана чем-то тёмным, и обмотка до колена пропиталась ещё темнее. Джеймс видел такие ноги. Ногу придавило, а потом её долго вытаскивали.

— Стеллаж? — спросил он.

— Стеллаж, — сказала женщина. — Баллон под ним остался. У нас был один, старый, на троих. Мы зашли через ворота. Набрали банок. Он пошёл последним, и стеллаж поехал. Пока я его вытаскивала, баллон... — Она мотнула головой. — Мы еле доплыли сюда. Это было вчера. Или позавчера. Тут не поймёшь.

Джеймс посмотрел на часы, потом на манометр и на мальчишку.

— Иди сюда.

Мальчишка отпустил трубу и подошёл, неуклюже, по грудь в воде, держа руки над водой, чтобы не пачкать ладони. Джеймс взял его за плечо. Плечо было тонким и дрожало.

— Плавать умеешь?

— Умею.

— Нырять?

— Немного.

— Это неважно. — Джеймс вытянул из-за спины запасной регулятор на длинном шланге и сунул мальчишке в руку. — Держи зубами. Губами обхвати. Дышишь медленно. Вдох. Выдох. Как во сне. Пузыри идут — значит, всё правильно. Второй рукой держишься за мой пояс и не отпускаешь, что бы ни было. Если что-то не так, дёргаешь два раза. Понял?

— Понял.

— Повтори.

— Медленно. Пояс. Два раза.

— Глаза можешь закрыть. Смотреть там всё равно не на что.

Он надел на мальчишку старую маску, ту, что с треснувшим ремешком, затянул ремешок как мог. Маска сидела криво. Мальчишка дышал в регулятор слишком часто, со свистом.

— Медленнее, — сказал Джеймс.

Мальчишка задышал медленнее.

Женщина смотрела на них со стола. Она так и стояла на коленях рядом с раненым, держа руку у него на груди. Джеймс заметил, что на руке у неё нет двух ногтей. Сорваны. Наверное, когда стеллаж разбирала.

— Он дойдёт? — спросила она. Она не уточнила, про кого.

— Дойдёт, — сказал Джеймс и вставил загубник.

Мальчишка дёрнулся, когда вода сомкнулась над головой, и пальцы на поясе Джеймса сжались так, что пряжка врезалась в бок. Но регулятор он не выпустил. Джеймс подождал, пока пузыри от него пойдут ровно, и повёл его вниз, к пролomu в перилах, потом вдоль антресоли к дальней стене, где ещё с прошлого раза запомнил дыру в обшивке: лист профиля отогнуло, и за ним открывалась синевая, светлее, чем внутри склада. Он пропустил мальчишку вперёд, сам протиснулся следом, порвав рукав костюма о край листа, и они оказались снаружи.

Здесь было светло. После склада этот тусклый вечерний синий казался полднем. Мальчишка открыл глаза. Джеймс видел, как он смотрит сквозь кривую маску вниз, на автостоянку с рядами грузовиков, на бетонный забор, на вывеску с осыпавшимися буквами, обросшими водорослями, и как дыхание у него снова сбивается. Джеймс положил руку ему на затылок и развернул голову вверх. Туда, где серебро. Мальчишка посмотрел вверх и задышал ровнее.

Они пошли вверх медленно, медленнее пузырей. Джеймс держал мальчишку за ворот и считал про себя. Пятнадцать метров. Двенадцать. Свет становился ярче. Десять. Восемь. Лучи, тени от волн на поверхности. Пять.

Над ними была тень. Небольшая, вытянутая, с вёслами по бокам.

Джеймс не сразу понял, что это. Потом понял. Шлюпка «Ковчега». Та, которую Марта не давала спускать на воду без её личного разрешения, потому что шлюпка была одна, а уключина у неё треснула ещё весной.

Они вынырнули в метре от борта.

Наверху был ветер. Ветер, серое небо, плеск, и сразу — голоса. Нико перегнулся через борт шлюпки, протянул руки. Сайрус сидел на вёслах и смотрел на Джеймса с лицом человека, которому есть что сказать и который заранее знает, что не скажет. Нико ухватил мальчишку под мышки и втянул в шлюпку, как мешок. Мальчишка сел на дно, сорвал маску, и его вырвало прямо себе на колени.

— Сколько ещё? — спросил Сайрус.

Джеймс вынул загубник.

— Двое. Один раненый.

— Марта сказала: двадцать минут.

— Знаю.

— Она сказала: шлюпку назад через двадцать минут, с тобой или без тебя.

Джеймс посмотрел на «Ковчег». Судно стояло в полусотне метров, тёмное, ржавое, неподвижное, и на мостике, за плёнкой разбитого окна, он видел маленькую фигуру у тумбы телеграфа.

Он вставил загубник и ушёл вниз.

Второй раз было проще. Он знал дорогу, знал, где лист обшивки, где пролом в перилах. Женщина ждала его уже в воде, у двери конторки, по грудь. Старая маска осталась наверху, у мальчишки, и Джеймс вынырнул с пустыми руками.

— Маски нет, — сказал он, выплюнув загубник. — Глаза закроешь.

— Я не первый раз под водой, — сказала она.

— Тогда тем более закроешь.

Она посмотрела на стол, где лежал раненый.

— Его зовут Бекет, — сказала она. — Это мой муж. Если он не дойдёт, ты скажешь мне, как это было. Не потом. Сразу.

— Он дойдёт.

— Ты не знаешь.

Джеймс не стал спорить. Он протянул ей регулятор.

Она дышала правильно. Медленно, ровно, без паники, как дышат те, для кого это работа. Джеймс вёл её тем же путём, через пролом, вдоль стены, к дыре в обшивке, и на всём пути она ни разу не сжала его пояс сильнее, чем нужно, чтобы держаться. Только у самой дыры, когда край листа задел её по бедру и разрезал штанину, она дёрнулась, и Джеймс почувствовал рывок: раз. Он остановился. Второго рывка не было. Она махнула рукой: дальше.

Наверху её втащили в шлюпку за руки. Она села рядом с мальчишкой, обняла его одной рукой и посмотрела на Джеймса. Мокрые волосы облепили лицо, на скуле кровь, по ноге из разреза текло, смешиваясь с водой на дне шлюпки.

— Иди, — сказала она.

Сайрус смотрел на часы.

— Восемнадцать, — сказал он.

Джеймс посмотрел на манометр. Стрелка подходила к красной черте. Он прикинул, сколько надо на дорогу туда, на дорогу обратно с человеком, который тяжелее его и не может грести ногой, и на подъём, и ещё на лодку, которая стояла на дне у ворот склада с открытым нижним люком.

Выходило не очень.

— Подожди, — сказал он Сайрусу.

— Сколько?

— Сколько сможешь.

Он ушёл вниз раньше, чем Сайрус ответил.

Третий спуск шёл тяжелее. Мышцы гудели, порванный рукав костюма пропускал холод, и холод уже добрался до локтя. Он плыл к складу, стараясь дышать реже, и думал не о раненом,

а о воздухе. О том, сколько вдохов осталось на стрелке. О том, сколько вдохов сделает человек, которого надо тащить, когда очнётся под водой и поймёт, где он.

Бекет был в сознании. Это было плохо.

Он лежал на столе, приподнявшись на локте, и смотрел на Джеймса, когда тот вынырнул. Глаза у него были мутные, с лихорадочным блеском, и в этих глазах Джеймс прочитал всё сразу: что тот понял, что остался один, что тот считал минуты, что тот уже решил: за ним не вернутся.

— Я не умею, — сказал Бекет хрипло. — Под водой. Я не умею. Лея умеет. Я нет.

— Неважно.

— У меня нога...

— Вижу.

Джеймс подтянул его к краю стола. Бекет был тяжёлым, крупным, и когда Джеймс перетягивал его ногу через край, тот закричал. Крик в тесной конторке ударил по ушам. Джеймс подождал, пока крик кончится.

— Слушай меня. — Он взял Бекета за подбородок и повернул к себе. — Под водой будет темно, холодно и страшно. Ты захочешь вдохнуть носом. Не вдыхай. Ты захочешь всплыть. Не всплывай, тут потолок. Ты захочешь схватиться за меня. Хватайся за пояс. Только за пояс. Если схватишь за шланг или за маску, мы оба утонем. Понял?

— Понял.

— Повтори.

— Пояс, — сказал Бекет. — Только пояс.

— Дыши медленно.

Он сунул ему регулятор. Бекет вцепился в него зубами.

Первые метры прошли хорошо. Джеймс тянул его за собой, Бекет держался за пояс и даже пытался помогать здоровой ногой, неуклюже, мимо такта, но хоть как-то. Пролом в перилах. Антресоль. Стена. Джеймс видел впереди светлое пятно дыры в обшивке и считал метры.

На полпути Бекет открыл глаза.

Джеймс почувствовал это по рывку: Бекет дёрнулся всем телом, пальцы на поясе разжались, рука пошла вверх, к лицу, к регулятору, к шлангу. Джеймс развернулся. В луче фонаря он увидел лицо Бекета, белое, с выпученными глазами, и пузыри, которые шли изо рта не ровно, а рваной очередью, и руку, которая шарила, искала, нашла — его, Джеймса, маску.

Маска сорвалась.

Вода ударила в глаза, в нос, мир стал мутным, зелёным, бесформенным. Джеймс не видел ничего. Он почувствовал, как его тянут вниз, как чужая рука сжимает шланг его собственного регулятора, тот, что во рту, как шланг натягивается и загубник едет из зубов. Он сжал зубы. Нашёл в мути запястье Бекета, сжал так, что слышал под пальцами хруст, и отвёл руку от шланга. Потом нащупал его лицо, ладонью накрыл глаза, второй рукой прижал запасной регулятор к его губам и держал.

Он держал так, пока не почувствовал, что пузыри от Бекета пошли ровнее.

Потом отпустил его лицо и на ощупь нашёл свою маску, болтавшуюся на ремешке у шеи. Натянул, продул носом. Мир вернулся, синий, мутный, с плавающим илом, поднятым вознёй. Бекет висел перед ним с закрытыми глазами, держался обеими руками за его пояс и дышал. Медленно, ровно.

Джеймс посмотрел на манометр.

Стрелка лежала на красном.

Он развернулся и поплыл к дыре, таща Бекета за собой. Через обшивку. Наружу. Вверх. Медленно, хотя всё в нём рвалось к серебру. На двенадцати метрах регулятор начал тянуть туго, и каждый вдох приходилось вырывать у баллона силой. На восьми Джеймс понял, что на двоих не хватит. Он вынул изо рта загубник и оставил то, что было в баллонах, Бекету.

Он выдохнул в воду всё, что было в груди, длинной цепочкой пузырей и пошёл вверх на выдохе, держа Бекета за ворот.

Шлюпка была на месте. Сайрус не ушёл.

Они вынырнули у самого борта, и Джеймс вдохнул воздух, настоящий, холодный, солёный, с запахом дыма, и закашлялся. Нико и Лея схватили Бекета за руки и потянули, и шлюпка накренилась так, что черпнула бортом. Бекета втащили, уложили на дно, и Лея наклонилась над ним, расстёгивая куртку.

Джеймс висел в воде, держась за борт, и дышал.

— Ну что, — сказал Сайрус. — Двадцать четыре минуты.

— Лодка, — сказал Джеймс. — Внизу.

— Знаю. Подождёт.

— Она с открытым люком.

— Подождёт, — повторил Сайрус. — Ты на себя посмотри.

Джеймс посмотрел на свою руку на борту шлюпки. Рука была белой, сморщенной, пальцы не гнулись. Он попробовал разжать их и не смог.

Сайрус перегнулся и разжал их сам, палец за пальцем, а потом ухватил Джеймса за пояс и втянул в шлюпку.

За Бочкой он вернулся через час: нырнул с новым баллоном, забрался в шлюзовую камеру, закрыл нижний люк, продул камеру, перебрался в сферу и повёл лодку к «Ковчегу». Под иллюминатором проплывал склад, потом автостоянка, потом бетонный забор. Он смотрел на всё это и не видел.

Когда он поднялся на палубу, там уже собрались все.

Люди стояли вдоль борта, сидели на ящиках, на свёрнутых канатах, на крышке трюма. Шестьдесят три человека, может, больше — Джеймс не знал точно, потому что никогда их не считал. Считала Марта. Сейчас все шестьдесят три смотрели не на море и не на гавань, а на корму, где на расстеленном брезенте лежал Бекет.

Ему сделали перевязку. Кто-то принёс одеяло, сухое, серое, с прожжённой дырой посередине. Лея сидела рядом, держа его руку, и мальчишка, Тим, стоял у неё за спиной. Мокрые, все трое, в чужих куртках, которые им накинули на плечи. У Бекета на шее, на цепочке, висел металлический жетон. Куртку расстегнули, когда откачивали, и жетон лежал теперь у него на груди, на виду у всех.

Жетон был квадратный, грубо вырезанный из листа, с выбитыми цифрами и знаком. Знак Джеймс знал: якорь, перечёркнутый крюком.

— Крюковский, — сказал кто-то в толпе.

Голос был мужской, низкий. Джеймс нашёл его глазами: Хольт. Бывший докер, крупный, с бородой, в которой застряли чешуйки от сушёной рыбы. С ним на борту были жена и двое сыновей, и Хольт считался на «Ковчеге» кем-то вроде старшего по трюму, потому что громче всех кричал, когда что-нибудь было не так.

— Крюковский, — повторил Хольт громче. — Это из его людей. Пайковый жетон. Я такие видел, когда мы в доках стояли. У них у каждого такой, по нему паёк дают.

Лея не подняла головы.

— У них жетоны, — сказал кто-то ещё. — Значит, он с флота.

— Я и говорю, — сказал Хольт. — С флота. Мы его подняли со дна. Он нас продаст.

Шёпот пошёл по палубе, от кормы к носу. Джеймс стоял у трапа, с которого только что поднялся, в мокром костюме, с которого текло на палубу. Холод сидел у него в локте и уходил вверх, к плечу.

— Он раненый, — сказала Рут. Она сидела на своём перевёрнутом ведре в стороне, и рядом с ней сидела девочка, та, что спрашивала про убежище. — У него нога. Он никого не продаст. Он до галюна не дойдёт.

— Дойдёт, когда заживёт.

— Когда заживёт, тогда и поговорим.

— Когда заживёт, — сказал Хольт, — будет поздно. Крюк ищет его. Крюк ищет нас. А мы его везём.

Лея подняла голову.

— Он не с флота, — сказала она. Голос у неё был ровный, негромкий, и все замолчали, чтобы расслышать. — Он ушёл. Мы ушли. Три недели назад.

— Дезертир, — сказал Хольт. — Ещё лучше. Крюк за своих дезертиров знаешь что делает?

— Знаю, — сказала Лея. — Поэтому мы и сидели на складе.

Она смотрела на Хольта, не мигая, и Хольт, крупный, бородатый, громкий, первым отвёл глаза.

На мостике хлопнула плёнка, натянутая в окне, — ветер переменился. Марта спустилась по трапу. Она шла медленно, держась за поручень, и люди расступались перед ней, хотя она никого не просила. Подошла к брезенту, посмотрела на Бекета, на жетон, на Лею, на мальчишку, потом на Джеймса.

— Ты знал? — спросила она.

— Нет.

— Узнал бы — оставил?

Джеймс промолчал. Марта подождала, кивнула, словно получила ответ, и повернулась к палубе.

— Говорите, — сказала она. — Сейчас. Потом будет поздно говорить.

И они заговорили.

Говорили долго, и Джеймс слушал этот разговор так, как слушал шум винтов через гидрофон: не слова, а общий гул, в котором иногда прорезалось что-то отдельное. Хольт хотел высадить троих на крышу ближайшего дома, что торчала из воды у берега, оставить им воды на два дня и уходить. Кто-то соглашался. Кто-то кричал, что у них ребёнок, мальчишка, четырнадцать лет, как можно. Кто-то спрашивал, сколько у нас еды, и все разом замолчали, потому что знали, сколько. Женщина с младенцем на руках, Нора, сказала, что если Крюк узнает, он не станет разбираться, кто кого прятал, и посмотрела на своего ребёнка. Старик с костылём сказал, что Крюк и так всё знает, у Крюка везде глаза, и что если бы Крюк хотел, он бы давно нас пустил на дно. Хольт сказал, что тогда тем более. Кто-то засмеялся.

Джеймс смотрел на Тима. Мальчишка стоял за спиной сестры и смотрел на палубу у себя под ногами, и Джеймс видел, как у него ходят желваки, и как он сжимает кулаки в рукавах чужой куртки, и как стоит, не двигаясь, с тем лицом, с каким стоят, когда тебя обсуждают, а ты делаешь вид, что не слышишь.

Девочка рядом с Рут встала. Взяла с ящика кружку с водой, подошла к брезенту и поставила кружку рядом с головой Бекета. Потом вернулась на место и села.

Хольт замолчал на полуслове.

— Ида, — сказала Рут, не глядя на девочку. — Сиди.

— Я сижу, — сказала Ида.

Марта стояла посреди палубы и слушала. Её лицо ничего не выражало. Когда все наконец замолчали, выговорившись, она подождала ещё, словно проверяла, не скажет ли кто-нибудь последнее слово. Никто не сказал.

— Джеймс, — сказала она. — Ты их привёл.

Все повернулись к нему.

Он стоял у трапа, и с костюма у него на палубу натекала лужа. Шестидесят с лишним лиц, которые он не считал. Хольт с крошками в бороде. Нора с младенцем. Рут. Ида. Лея, которая смотрела на него снизу, держа руку мужа. Тим, который смотрел на палубу.

— Они стучали, — сказал Джеймс.

Больше он ничего не сказал.

Марта смотрела на него ещё секунду, потом повернулась к палубе.

— Они остаются, — сказала она. Шёпот пошёл было снова, и она подняла руку, и шёпот смолк. — На моих условиях. Он, — она кивнула на Бекета, — рассказывает нам всё, что знает о флоте. Всё. Где у Крюка мины, где катера, кто кому подчиняется, кто такой Адмирал, сколько у них нейтрита, что они едят. Если он хоть раз соврёт, я узнаю. Она, — кивок на Лею, — работает. На камбузе, в трюме, у насоса, где скажут. Мальчишка тоже. Еды им — как всем. Не больше. Места — где найдём. Если Крюк придёт за ним, я решу, что делать, тогда. Не сейчас.

— Марта... — начал Хольт.

— Шестьдесят шесть, — сказала Марта. — Сайрус, запиши.

Сайрус, стоявший у двери в машинное, вытащил из нагрудного кармана огрызок карандаша и сделал пометку на обороте какой-то бумажки. Джеймс видел этот лист раньше. Там столбиком шли цифры, и каждая была зачёркнута, кроме последней.

Марта поднялась на мостик. Палуба ещё постояла и стала расходиться. Медленно, кучками, переговариваясь вполголоса. Хольт ушёл в трюм первым и громко хлопнул люком.

Лея подняла голову и посмотрела на Джеймса. Она ничего не сказала. Он тоже.

Ночью «Ковчег» стоял на якоре у остова баржи, в той самой точке, где Нико утром подстрелил мину. Огней не зажигали. Над гаванью висела низкая облачность, без луны, без звёзд, и темнота была такой плотной, что борт угадывался только по плеску. Где-то на берегу, за мёртвыми деревьями, горел костёр, и его отражение дрожало в чёрной воде, красное, далёкое. Чей это костёр, никто не знал.

Бекета перенесли в рубку. В трюме для него не нашлось места, которое не было бы чьим-то, и Марта сказала: в рубку, у неё там есть угол. Его уложили на сложенных одеялах у переборки, под картой гавани, нарисованной от руки карандашом на куске фанеры. Лея сидела рядом. Тим спал, свернувшись у её ног. Сайрус принёс фонарь, закрыл его с трёх сторон тряпкой, чтобы свет не уходил за плёнку окна, и поставил на пол.

Марта сидела на табурете у штурвала. Джеймс стоял у двери, прислонившись к косяку. Сухой, в свитере, в куртке, и в нагрудном кармане изнутри лежал пропуск. Он не трогал его. Он просто знал, что он там.

Бекет говорил медленно, часто останавливаясь, чтобы перевести дух. Лихорадка отступила к ночи, глаза прояснились, и говорил он связно, хоть и тихо. Лея иногда поправляла его: число, название, имя. Он кивал и продолжал.

Он рассказал про Крюка. Крюк держит порт и четыре катера, у каждого катера по пулемёту и гарпунная пушка, переделанная из китобойной. Мины Крюк снял с затопленного военного склада у северного мола, их там ещё много, полный пакгауз, и каждую неделю его люди ставят новые. Он перекрыл главный выход из гавани полностью, три линии, а за линиями, в проливе, стоят два катера на якорях и ждут. Крюк знает про «Ковчег». Крюк знает, что у «Ковчега» исправный реактор. За исправный реактор Адмирал обещал Крюку место во флоте поближе к флагману.

— Это что значит? — спросила Марта.

— Пайки, — сказал Бекет. — Чем ближе к флагману, тем больше пайков. Тем теплее. Тем меньше шансов, что тебя оставят.

— Оставят где?

— Где угодно. — Бекет помолчал. — На крыше. На льдине. В воде. Адмирал ведёт флот на юг. Флот большой. Не все дойдут. Все это знают. Все хотят быть поближе к флагману.

Сайрус присвистнул в темноте.

— Ты видел его? — спросила Марта. — Адмирала.

— Никто его не видел. Ну, почти никто. Он редко выходит. Говорит по радио. У него голос... — Бекет поморщился, подбирая слово. — Спокойный. Вежливый. Он со всеми на «вы». Даже с теми, кого оставляет.

Лея положила руку ему на плечо.

— Скажи им, — сказала она. — Про дом.

Бекет посмотрел на неё. Потом на Марту.

— Он называет его домом, — сказал Бекет. — Убежище. Он никогда не говорит «убежище». Он говорит: «Когда мы вернёмся домой». Вернёмся. Все это слышали. На флоте шутят, что он там родился. Что его мамка там работала, в теплицах. — Он попробовал усмехнуться и закашлялся. — Шутят. Но он говорит про него так, как будто знает, где там что. Где теплицы. Где реактор. Где ворота. Он говорил однажды, по общей связи, я сам слышал: «Ворота открываются с поста охраны, не изнутри шлюза. Тот, кто этого не знает, никогда не войдёт».

В рубке стало тихо.

Джеймс не пошевелился. Он смотрел на фонарь, закрытый тряпкой, на полосу жёлтого света на полу. Ворота убежища открывались с поста охраны. Не изнутри шлюза. Он знал это, потому что сам тянул кабель от шлюзовых приводов к посту, через сорок метров скальной породы, по шахте, в которой дышать можно было только через маску. Этого не знал никто, кроме тех, кто был там. Кроме строителей и охраны.

Он посмотрел на Марту.

Марта сидела на табурете неподвижно. Руки на коленях. Лицо в тени, свет от фонаря падал только на подбородок. Она не смотрела на Бекета. Она смотрела на ручку машинного телеграфа, единственную, оставшуюся из двух.

— Что ещё он говорил? — спросила она.

— Много чего. — Бекет устал, голос у него садился. — Про нейтрит. Про то, что у флота его мало, а на юге без него не дойти. Что надо найти чужой реактор. Что нам нужен «Ковчег». Он знает вас по названию.

— Меня? — спросила Марта.

— Судно. — Бекет помолчал. — Хотя... Нет. Он говорил «капитан Марта». Один раз. Я подумал, это кто-то ему доложил.

Марта встала. Подошла к окну, к плёнке, за которой была темнота, отражение чужого костра в воде, ничего больше. Постояла.

— Спать, — сказала она, не оборачиваясь. — Все. Сайрус, вахта до трёх, потом Нико.

Сайрус поднялся. Лея помогла Бекету лечь, подсунула ему под голову свёрнутую куртку. Джеймс посмотрел на Марту ещё раз и вышел.

На палубе было холодно. Он прошёл на бак, туда, где днём стоял Нико, и сел на бухту каната, спиной к ветру. Гавань вокруг была чёрной. Костёр на берегу догорал.

Рука нашла пропуск сама. Через ткань. Пластиковый прямоугольник, закруглённые углы, трещина по одному краю. Он провёл по трещине пальцем.

Ворота открываются с поста охраны.

Он сидел так до тех пор, пока не перестал чувствовать ноги, а потом ещё немного.

Радио ожило на рассвете.

Джеймс не спал. Он лежал в шлюзовом отсеке, на брезенте рядом с Бочкой, где всегда спал, если удавалось, потому что там было тихо и пахло только железом и морем. Сквозь переборку он слышал треск, потом шипение, потом голос, и поднялся раньше, чем понял, зачем.

В рубке был серый свет. Плёнка в окне посветлела, за ней проступали гавань, мёртвые деревья, остов баржи, крыши. Марта стояла у рации. Сайрус сидел на полу у переборки, у него было помятое лицо, он только что проснулся. Бекет на одеялах приподнялся на локте. Лея держала Тима за плечо.

Голос из динамика был ровным, негромким, немолодым. Хорошая дикция. Человек, привыкший, что его слушают, и не привыкший повышать голос.

— ...повторяю для «Ковчег». Говорит флагман. Капитан Марта, вы меня слышите?

Марта не отвечала.

— Я знаю, что вы меня слышите, — сказал голос. — Вы всегда слушали внимательно. Это было ваше лучшее качество.

Сайрус посмотрел на Марту снизу вверх. Марта не двигалась.

— Я не задержу вас долго, — сказал голос. — У вас на борту человек, который мне принадлежит. Его зовут Бекет. Номер его жетона — семь-два-девять-четыре. Я был бы вам признателен, если бы вы вернули его туда, откуда взяли. Можете высадить его на мол у северного пакгауза. Мои люди заберут. Его жену и брата жены можете оставить себе. Они меня не интересуют.

Лея сжала плечо Тима так, что мальчишка поморщился.

— Я не требую, — продолжал голос. — Я прошу. Вы понимаете разницу лучше многих. Подумайте до вечера. Капитан Крюк будет ждать у пакгауза до заката. После заката капитан Крюк перестанет ждать и начнёт искать. Мне бы этого не хотелось. Капитан Крюк не очень аккуратен.

В эфире шипело. Джеймс смотрел на Марту. Её рука лежала на столе рядом с микрофоном и не тянулась к нему.

— И ещё, — сказал голос. Тон не изменился, только голос стал тише и ближе: говорящий наклонился к микрофону. — Я рад, что вы живы, Марта. Правда. Давно не слышал вас. Я подожду ответа. Я умею ждать. Вы это знаете.

Щелчок. Шипение. Тишина.

Марта сняла руку со стола.

Глава 3. Город

— Через город никто не ходит, — сказал Бекет.

Он сидел на одеялах в углу рубки, привалившись спиной к переборке, и смотрел на карту гавани, нарисованную на фанере. Лихорадка вернулась под утро, и лицо у него снова было серым, но глаза держались. Лея поила его из кружки, и он отводил кружку рукой, когда хотел что-то сказать.

— Почему? — спросила Марта.

— Эстакада. — Бекет ткнул пальцем в карту, туда, где карандашная линия проспекта уходила от гавани вглубь города, между квадратиками кварталов. — Вот тут. Железная дорога шла поверху, над проспектом. Пролёт упал. Года три назад, может, четыре. Лёг поперёк. Крюк туда посылал катер, проверить. Катер днищем сел на вагоны. Его потом три дня снимали.

— А дальше?

— Дальше река. Устье. Там у Крюка пост, на мосту. Двое, лодка. Это не застава, так... смотреть. — Бекет закашлялся. — Но через эстакаду не пройти. Крюк поэтому туда и не ставит мин. Ему не надо.

Марта посмотрела на Джеймса.

Джеймс стоял у карты. Карандашный проспект был прямой, широкий, и по обе стороны от него Марта нарисовала кварталы ровными квадратами, а там, где кварталы кончались, — волнистую линию берега реки. Эстакада на карте была отмечена тонкой линией поперёк проспекта и словом «вагоны». Почерк у Марты был мелкий, наклонный, аккуратный. Таким почерком заполняют формы.

— Посмотрю, — сказал он.

— До заката, — сказала Марта.

— Знаю.

— Джеймс. — Она подождала, пока он посмотрит на неё. — Если там не пройти, я хочу знать это к полудню. Не к закату. К полудню.

Он кивнул и пошёл к шлюзу.

Город начинался там, где кончалась гавань, и начинался не сразу. Сначала было мелководье с островами, с баржами на боку, с краном, который упал в воду целиком и теперь лежал на дне решётчатой стрелой, обросшей мидиями так густо, что металла было не видно. Потом дно пошло вверх, и под Бочкой поплыли причалы, бетонные, с кнехтами, с ржавыми цепями, свисающими в пустоту. Потом набережная: парапеты, фонари, скамейки. На одной скамейке сидела коряга, которую течение пристроило туда так аккуратно, что издали она казалась человеком. Джеймс прошёл мимо неё на малом ходу и не стал смотреть.

Потом начались дома.

Сначала невысокие, старые, в пять-шесть этажей, с лепниной, с балконами. Вода стояла над их крышами на три-четыре метра, и крыши были хорошо видны сверху: черепица, трубы, слуховые окна, антенны. Свет здесь, на мелком, был ярким, почти зелёным, и на крышах росло всё, что умело расти в солёной воде: бурые ленты, губки, мягкие пальцы кораллов, белые трубки червей. Над одной крышей стояла стайка мальков, плотная, как облако, и разворачивалась вся разом, когда Бочка подходила ближе.

Дальше дома становились выше.

Джеймс опустил лодку на уровень улицы. Здесь, между стенами, было глубже, метров пятнадцать-двадцать, и свет доходил до дна приглушённым, рассеянным, синим. Проспект уходил вперёд прямой широкой лентой. Он был виден метров на пятьдесят, дальше синела густела и съедала всё. По обе стороны поднимались фасады. Стекло, бетон, металл. Окна первых этажей были выбиты почти все, и в чёрных проёмах угадывались внутренности: стойки,

витрины, перевёрнутые столы. Вторые этажи, третьи, четвёртые. Окна там уцелели чаще, и за мутными стёклами можно было разглядеть то стул, то шкаф, то цветок в горшке, давно ставший бурым комком. Выше пятого этажа фасады уходили за пределы видимости, растворялись в светлой синеве, и только по тому, как оттуда падал свет — полосами, решёткой — можно было понять, что над ними ещё много этажей и что где-то там, далеко наверху, они выходят из воды.

Джеймс знал, как они выглядят сверху. Серые зубы над гаванью. Слепые, с выбитыми окнами, с чайками.

Отсюда, снизу, они были другими. Здесь они были целыми.

Он вёл Бочку по проспекту на малом ходу, держась ближе к правой стороне, где у фасадов лежала тень. На проезжей части стояли машины. Много машин. Все в одну сторону, к гавани, бампер к бамперу, в три ряда, как стояли в тот день, когда люди поняли, что надо уезжать, а уехать уже было некуда. Двери у многих были открыты. У одного автобуса открыты все двери сразу, и в проёмах колыхались водоросли, длинные, как занавески. На крыше автобуса лежал велосипед.

Он не стал думать о том, что было с людьми из этих машин. Он считал перекрёстки.

На третьем перекрёстке в стене дома висела вывеска — огромная, на три этажа, рекламный щит, натянутый на металлическую раму. Ткань почти вся сгнила, остались лохмотья и обрывки, и на них — куски картинки. Улыбающееся лицо, половина. Детская рука. Край зелёной лужайки. Буквы, крупные, белые, из которых уцелело несколько: «...ДЁЖНОЕ БУДУЩ...». Обрывки шевелились в течении медленно, плавно, и улыбка на половине лица то пропадала в складках, то появлялась снова.

Джеймс посмотрел на неё, пока проходил мимо, потом посмотрел вперёд.

Рыбы появились на пятом перекрёстке.

Сначала одна. Длинная, серебристая, с тёмной полосой вдоль бока и выпуклыми глазами. Она вышла из выбитой витрины слева, повисла в луче прожектора и смотрела на свет. Потом вторая. Третья. Через минуту их было десятка два, и они висели вокруг лодки полукругом, неподвижно, носами к прожектору, чуть шевеля плавниками. Каждая с локоть длиной. Пасти приоткрыты, и в пастьях белели зубы, мелкие, частые, загнутые назад.

Джеймс знал этих рыб. Их называли барракудами, хотя к барракудам они имели такое же отношение, как Бочка к подводной лодке. Раньше в этих водах таких не водилось. Они пришли после Потопа, с юга или из глубины, и за семь лет научились многому. Одиночку не трогали. На свет шли. А когда их собиралось достаточно, начинали проверять: подходили по одной, касались, отскакивали. Смотрели, что будет.

Одна подошла и ткнулась носом в стекло иллюминатора. Прямо перед лицом. Джеймс видел, как дрожат жабры, как ходит туда-сюда глаз, как зубы скребут по стеклу, оставляя тонкие белые царапины на мутном налёте.

Он выключил прожектор.

Стало темнее, синее, мутнее. Рыбы висели ещё несколько секунд, потом самая крупная развернулась и ушла в витрину, откуда пришла первая, и за ней, одна за другой, ушли остальные. Последняя задержалась у иллюминатора. Скребнула зубами по стеклу ещё раз и тоже ушла.

Джеймс подождал. Потом пошёл дальше без света.

Эстакаду он сначала слышал.

Звук был низкий, протяжный, металлический, и шёл откуда-то спереди и сверху. Он нарастал и спадал, нарастал и спадал, в такт тому, как на поверхности шла волна. Скрип. Долгий, ржавый, с подвыванием, будто кто-то медленно открывал огромную дверь, а она не открывалась.

Потом из синевы проступили опоры.

Две колонны, толстые, бетонные, обросшие до неузнаваемости. Они стояли по обе стороны проспекта, на тротуарах, и уходили вверх, туда, где раньше над проспектом шёл пролёт эстакады. Пролёта наверху не было. Пролёт был здесь, внизу.

Он лежал поперёк проспекта, косо, одним концом выше другого. Левый конец упирался в крышу какого-то павильона на тротуаре и висел над дном метрах в десяти. Правый лежал на машинах, раздавив их в лепёшку, и на правом конце, на пролёте, стояли вагоны.

Три вагона. Пассажирские, длинные, с рядами окон. Первый стоял на рельсах ровно, словно поезд просто остановился. Второй съехал с рельсов и висел наполовину над краем пролёта, зацепившись сцепкой за первый. Третий упал с пролёта совсем, лежал на боку на проезжей части, и его крыша была проломлена.

Скрипел второй. Вагон, который висел наполовину. Он покачивался в течении, совсем немного, на ладонь вперёд, на ладонь назад, и сцепка, державшая его, скрипела при каждом движении. Года четыре скрипела, не меньше.

Джеймс поднял Бочку выше и пошёл вдоль пролёта, глядя вверх.

Над первым вагоном было метра три воды. Может, меньше. Через иллюминатор он видел, как над крышей вагона проходит граница — серебряная, рябая, совсем близко, и как по ней бегут тени волн. Крыша вагона была покрыта ракушками. На ней сидел краб, большой, с растопыренными клешнями. Он смотрел на Бочку и не убегал.

Он смерил глубину эхолотом, потом ещё раз, над другой точкой крыши, потом над вторым вагоном, висящим, потом над пролётом между вагонами. Записал на тыльной стороне ладони — огрызком карандаша, который носил в кармане костюма для таких случаев. Цифры легли столбиком.

Самое мелкое место было над первым вагоном: два и восемь.

«Ковчег» сидел в воде на пять с половиной. Пять с половиной без груза, а груз был: шестьдесят шесть человек, вода, еда, топливо, реактор. Значит, ближе к шести.

Он смотрел на цифры на ладони и думал о том, о чём думал всегда, когда цифры не сходились. О том, что цифры — это не всё.

Он поднял лодку вдоль фасада дома справа от эстакады к самой поверхности, туда, где стекло выходило из воды. Фасад был стеклянный, гладкий, офисный. Стекло во многих местах треснуло, но держалось. И на стекле, у самой воды, шла полоса.

Широкая, метра в три, она тянулась вдоль всего фасада и уходила за угол. Ниже её стекло обросло плотным бурым налётом, ракушками, губками. На самой полосе росли только мелкие рачки, редкими пятнами. Выше было чисто.

Джеймс смотрел на полосу и считал.

Такие полосы он всю жизнь видел на опорах причалов, на сваях, на бортах судов. Нижний край — там, где вода стоит всегда. Верхний — докуда она поднимается на приливе. Сама полоса — то, что дважды в сутки уходит под воду и снова выходит на воздух. Её ширина и есть высота прилива.

Метра три. Может, больше.

Сейчас, утром, вода стояла у нижнего края полосы. Отлив. А ночью, если прилив будет полным, над крышей вагона встанет почти шесть метров.

Почти.

Джеймс записал на ладони ещё одну цифру и обвёл её.

Тень прошла над ним, когда он уже разворачивался.

Он увидел её не над собой, а на фасаде: стекло, только что светлое, потемнело, и по нему прошла продолговатая тень с острым носом. Потом он услышал. Мотор. Не гул «Ковчега», а частый, лающий, захлёбывающийся рокот подвесного движка на высоких оборотах. Звук шёл сверху, слева, и становился громче.

Джеймс заглушил винт и дал балласт.

Бочка пошла вниз, медленно, тяжело, и он направил её к упавшему третьему вагону, к тому, что лежал на боку. Лодка вошла в тень вагона, коснулась дна, подняла облако ила. Он выключил всё. Скрubber. Эхолот. Подсветку приборов. Остался только звук собственного дыхания.

Мотор наверху стал громче. Тень прошла над пролётом. Над первым вагоном. Сбросила ход.

Джеймс поднял голову и смотрел в иллюминатор вверх, сквозь медленно оседающий ил. Над крышей первого вагона висел катер. Небольшой, узкий, с острым носом, со ржавым днищем, на котором кто-то нарисовал белой краской косую полосу. Мотор работал на холостых, и винт за кормой вертелся медленно, и от него вниз тянулся шлейф мелких пузырей.

Катер стоял. Просто стоял.

Потом что-то упало с борта в воду. Джеймс увидел, как оно идёт вниз, крутясь, оставляя за собой пузыри, и как за ним тянется верёвка. Груз. Металлический, тёмный, размером с кулак. Он упал на крышу первого вагона, рядом с крабом. Краб отскочил боком. Верёвка натянулась. Потом её потянули вверх, и груз пополз по крыше, по ракушкам, оставляя борозду, и ушёл обратно наверх.

Мерили глубину. Как он сам мерил её пять минут назад.

Катер постоял ещё немного, потом мотор взревел, тень двинулась, прошла над пролётом, над головой Джеймса, и ушла в сторону реки. Звук мотора стихал медленно, долго. Потом стих.

Джеймс сидел в темноте лодки и не включал свет ещё минуту. Потом ещё одну.

Крюк проверял эстакаду. Значит, Крюк думал о ней. Значит, Крюк тоже умел читать полосы на стёклах.

Или не умел, а просто проверял на всякий случай.

Джеймс включил скруббер.

Дальше, за эстакадой, проспект шёл ещё два квартала и упирался в реку. Река здесь была широкой, медленной, мутной, с жёлтой взвесью, которую несло с суши. Мост через неё, старый, каменный, на трёх арках, стоял над водой почти целиком: вода поднялась до середины арок и остановилась. Под арками был проход. На мосту, у средней арки, стояла лодка, и рядом с ней, на парапете, сидели двое. Джеймс видел их снизу, через муть, как два тёмных силуэта на светлом фоне. Один курил, и время от времени над водой поднимался дымок.

Пост. Бекет сказал правду.

Джеймс остановил Бочку в двух кварталах от моста, в тени дома. Дальше было мелко. Проспект поднимался к реке, и над ним оставалось не больше пяти метров. Бочку будет видно с моста. Не всю, но тень, пузыри, муть от винта. Днём, при таком свете, с двух сотен метров.

Он сидел и смотрел на силуэты на мосту.

Чтобы провести «Ковчег» через устье, надо было знать, что там, за мостом. Мелко или глубоко. Есть ли заграждения. Стоит ли там ещё кто-то, кроме этих двоих. И знать это надо было до ночи. До прилива.

Чтобы узнать, надо было пройти под мостом. Днём. На глазах у поста.

Или не на глазах.

Джеймс развернул Бочку и пошёл вдоль фасада назад, медленно, глядя вниз. Он искал то, что видел по пути сюда краем глаза и не стал рассматривать.

Вход в метро был на углу, у перекрёстка, в полуквартале от эстакады.

Широкий провал в тротуаре, обнесённый перилами. Лестница уходила вниз, в темноту. Над входом на столбе висела табличка — синий круг с белой буквой и названием станции, которое уже нельзя было прочитать. Перила обросли. Ступени замело илом, но под илом угадывались их края, ровные, бетонные, одна за другой, вниз.

Линия метро шла под проспектом к реке. Это Джеймс знал. Все линии в этом городе шли к реке, потому что город строился вдоль реки. Где-то там, под рекой или у самого берега, должна быть станция. Может, не одна.

Он остановил Бочку над входом и посмотрел вниз.

Свет туда почти не доставал. Первые ступени, потом ещё несколько, потом чернота. В черноте ничего не двигалось. Оттуда не шёл ни звук, ни свет, ни течение.

Он включил прожектор.

Луч ушёл вниз по лестнице, высветил ступени, стены, облицованные мелкой плиткой, рекламный щит в рамке на стене. Поручень, металлический, по центру лестницы, весь в бурых наростах. Ниже — площадку, поворот, турникеты. Дальше снова чернота.

На площадке, у первого турникета, лежала каска.

Белая, пластиковая, с налобным фонарём. Каска строительная, с козырьком, с ремешком под подбородок. Она лежала на боку, и ремешок тянулся по полу. Фонарь на ней был тот, который Джеймс узнал бы где угодно: круглый, в резиновом корпусе, с ребристым кольцом выключателя. Такие выдавали в порту, где он работал, а потом стали выдавать везде.

У одного человека он видел такой фонарь с ремешком, обмотанным синей изолентой. Изолента держала треснувшую пряжку.

Джеймс направил луч на ремешок этой каски.

Изоленты не было. Ремешок был просто ремешком, чёрным, обросшим, и пряжка у него была целая.

Он смотрел на каску долго. Дольше, чем нужно было, чтобы понять, что это просто каска. Чужая. Какого-то человека, который спускался здесь в тот день с налобным фонарём и что-то здесь делал. Или не спускался, а уронил. Или спускался и не поднялся. Это был другой город. Другое метро. Другая лестница.

Он выключил прожектор.

В темноте было слышно скруббер и собственное дыхание. Больше ничего.

Потом он развернул лодку и пошёл к гавани. Полдень был близко.

На «Ковчеге» кричали. Он услышал это ещё из шлюза, сквозь переборку, сквозь гул генератора: мужской голос, громкий, злой, и другой, высокий, срывающийся. Он отдраил люк и поднялся на палубу, не снимая костюма.

У шлюпки на корме стояла толпа. Человек двадцать. Хольт держал Тима за шиворот, и Тим висел у него в руке, как щенок, едва доставая ногами до палубы, красный, с разбитой губой. У ног Хольта лежал мешок, развязанный, и из него высыпались на палубу банки. Шесть. Нет, семь. Одна откатилась к борту, Нико поймал её ногой.

— Под брезентом! — Хольт тряхнул мальчишку. — Под шлюпкой, в брезенте! Я видел, как он туда лазил. Семь банок. Семь! Из общего! Вчера подобрали, а сегодня уже...

— Отпусти его, — сказала Лея.

Она стояла в двух шагах, со шваброй в руке. Её поставили мыть трюм, и она прибежала прямо так, с мокрыми руками, в мокром переднике. Лицо белое. Она не кричала. Она стояла и смотрела на Хольта, и Хольт её не слышал.

— Я знал, — говорил Хольт, не ей, а всем. — Я вчера сказал. Подобрали крюковских, и вот, пожалуйста. Не прошло и суток. Где Марта? Пусть Марта посмотрит.

— Отпусти, — сказала Лея громче.

— Марта посмотрит, тогда отпущу.

Марта уже спускалась. Она шла медленно, как вчера, держась за поручень, и толпа расступалась перед ней так же, как вчера. Она остановилась рядом с мешком. Посмотрела на банки. На Тима. На Хольта.

— Отпусти, — сказала она.

Хольт отпустил. Тим упал на колени, на палубу, и тут же вскочил. Губа у него кровила. Он стоял, тяжело дыша, и смотрел не на Марту, не на Хольта и не на сестру. На банки.

— Зачем? — спросила Марта.

Тим молчал.

— Я спросила, зачем.

— Нас всё равно высадят, — сказал Тим. Голос у него срывался, как вчера в конторке. — Вечером. Вы его отдадите. Бекета. Отдадите, а нас посадите на крышу. Я слышал. Он, — подбородком на Хольта, — так говорил. На крышу, воды на два дня. А на крыше еды нет. Я видел крыши. Там ничего нет. Там птицы. Я... — Он замолчал. Шмыгнул носом, утёр губу рукавом, размазав кровь. — Я хотел, чтобы было. Когда высадят. Чтобы было что есть.

На палубе стало тихо.

Хольт открыл рот и закрыл.

Марта смотрела на Тима, потом посмотрела на палубу вокруг. На людей, которые стояли у шлюпки. На тех, кто сидел вдоль борта. На Нору с младенцем. На Рут. На Иду, которая сидела рядом с Рут и смотрела на банки так же, как Тим.

— Никого не высаживают, — сказала Марта.

Она сказала это не громко. Но её услышали все.

— Никого, — повторила она. — Ни на крышу, ни на мол, ни куда-нибудь ещё. Кто взят на борт, тот на борту. Это я решаю. Не флот. Не Крюк. Не кто-то ещё. — Она посмотрела на Хольта. — И не ты.

Хольт смотрел в сторону.

— Банки на камбуз, — сказала Марта. — Его, — кивок на Тима, — на неделю без сахара. И работать. — Она повернулась к трапу, где стоял Джеймс, мокрый, в костюме. — К тебе.

— Ко мне?

— У шлюза. Баллоны таскать, лодку мыть, что скажешь. Ты их привёл.

Джеймс открыл рот, чтобы сказать, что ему не нужен помощник, что у шлюза один человек и так тесно, что он не умеет с мальчишками, и что вообще. Марта смотрела на него, ждала. Тим смотрел на него тоже. С разбитой губой, с кровью на рукаве, и в глазах у мальчишки не было ни просьбы, ни надежды. Он просто ждал, что ему скажут, где теперь его место.

— Баллоны тяжёлые, — сказал Джеймс.

— Подниму, — сказал Тим.

Марта повернулась и пошла на мостик.

— Ну, — сказал Джеймс в рубке через пять минут, — пройти можно.

Он положил на стол ладонь — карандашные цифры расплылись от воды, но читались — и показал Марте, Сайрусу и Бекету, который приподнялся на локте на своих одеялах. Два и восемь над вагоном. Полоса на стекле. Три метра прилива, может, чуть больше.

— Ночью, — сказал он. — На полной воде. Над вагоном будет пять восемь. Может, шесть. У нас осадка шесть.

— Может, шесть, — повторила Марта. — Это сколько под килем?

— Ладонь. Если повезёт.

— А если не повезёт?

— Сядем на вагон, как катер Крюка. Только нас снимать никто не станет.

Сайрус почесал затылок и полез в ящик под картой. Достал оттуда книжку, растрёпанную, без обложки, в пятнах. Таблицы приливов. Старые, довоенные, для этого побережья. Он их нашёл где-то на втором месяце, на затонувшем катере береговой охраны, и с тех пор берёт, хотя никто не знал, верят ли теперь приливы старым таблицам.

Он полистал. Повёл пальцем по столбцам.

— Луна через два дня полная, — сказал он. — Сегодня ночью прилив большой. Почти самый. В половине третьего полная вода. — Он поднял глаза. — Если таблицы не врут.

— Врут? — спросила Марта.

— Вода поднялась на двадцать с лишним метров. Как она себя теперь ведёт, никто не знает. Но я смотрел на отметки у баржи. Последний месяц сходилосъ. Плюс-минус полчаса.

Марта помолчала.

— Что за эстакадой?

— Река, — сказал Джеймс. — Мост, на мосту пост. Двое с лодкой. Под мостом проход. Что за мостом, не знаю. Там мелко, днём не пройти, увидят.

— Узнать надо до ночи.

— Знаю.

— Как?

Джеймс посмотрел на карту. На карандашный проспект, на квадратики кварталов, на тонкую линию эстакады с подписью «вагоны». На берег реки. Метро на карте не было. Марта рисовала то, что видно сверху.

— Метро, — сказал он. — Линия идёт под проспектом к реке. Если тоннели целы, я пройду под постом. Выйду за мостом.

— Если целы.

— Если целы.

— Ты там был?

— Видел вход.

Марта долго смотрела на него. Потом кивнула.

— Ночью, — сказала она. — Не сейчас. Сейчас ты спишь. Четыре часа. Это приказ.

Джеймс хотел возразить, но Сайрус уже открыл дверь рубки и смотрел на него со своим вечным выражением человека, который всё понимает и ничего не скажет.

Он пошёл спать.

Он проспал не четыре часа, а пять, потому что Тим, сидевший у шлюза, не стал его будить. Когда Джеймс проснулся, мальчишка сидел на ящике у Бочки, с тряпкой в руках, и оттирал иллюминатор изнутри от жёлтого пятна, которое не отмывалось ничем.

Пятно было на месте. Тим тёр его так, что у него на лбу выступил пот.

— Это не отмывается, — сказал Джеймс.

— Знаю. Я полчаса тру.

— Зачем тогда?

Тим пожал плечами и продолжал тереть.

Джеймс не стал ему мешать.

Закат пришёл рано. Облака на западе опустились, легли на крыши, и солнце за ними было только красной полосой, тусклой, как остывающий металл. Гавань потемнела. Небоскрёбы на краю гавани стали чёрными, плоскими, вырезанными из картона. В нескольких окнах на самом верху горели отблески заката, и казалось, что там кто-то живёт и зажёт свет.

Марта стояла у рации. Микрофон она держала в руке. Все были там же, где утром. Сайрус на полу. Бекет на одеялах, Лея рядом. Джеймс у двери. Тим за спиной Джеймса, на трапе. Его никто не звал, он пришёл сам и стоял тихо, и Джеймс не стал его прогонять.

Рация молчала, потом щёлкнула.

— «Ковчег», говорит флагман. — Тот же голос. Спокойный, вежливый, немолодой. — Солнце садится, капитан. Капитан Крюк у пакгауза. Он ждёт.

Марта подняла микрофон к губам. Подержала. Нажала кнопку.

— Он не ваш, Даниэль, — сказала она.

Тишина в эфире. Шипение. Долгое, ровное.

— И никогда не был, — сказала Марта и отпустила кнопку.

Она положила микрофон на стол. Сайрус смотрел на неё снизу, открыв рот. Бекет смотрел на неё с одеял. Джеймс смотрел на её спину.

Рация больше не ожила.

Марта взялась за ручку машинного телеграфа и перевела её на малый вперёд. Внизу звякнул ответный звонок. Генератор сменил голос, под ногами пошла дрожь, загремела якорная цепь, и «Ковчег», тёмный, без огней, медленно тронулся с места и пошёл через гавань туда, где над водой стояли чёрные зубы города.

— Кто такой Даниэль? — тихо спросил Сайрус.

Марта не ответила. Она смотрела вперёд.

— Джеймс, — сказала она, не оборачиваясь. — Метро.

— Иду.

— Сайрус, лот на нос. Нико на бак. Огней не зажигать. Курить на палубе запрещаю.

— Есть.

Джеймс повернулся, чтобы идти к шлюзу, и наткнулся на Тима. Мальчишка стоял на трапе, загораживая проход, и смотрел на него снизу вверх.

— Я с тобой, — сказал Тим.

— Нет.

— Я баллоны...

— Баллоны подашь. Дальше нет.

Тим посторонился. Джеймс прошёл мимо него вниз по трапу, в трюм, к шлюзу, к Бочке, к иллюминатору с жёлтым пятном, которое так и не отмылось.

Глава 4. Метро

«Ковчег» встал в тени небоскрёба в половине десятого.

Марта завела его между двумя башнями на углу проспекта, туда, где с моста его не было видно, а с гавани закрывали другие дома. Здесь было глубоко, метров двадцать, и якорь лёг на крышу чего-то, что раньше было остановкой или киоском. Цепь натянулась и замерла. Генератор сбросили до холостого хода. Наверху, на палубе, никто не разговаривал, и было слышно только, как вода плещет о стены башен и как где-то высоко, в выбитых окнах, свистит ветер.

До полной воды оставалось пять часов.

Тим подал ему баллоны, один за другим, и держал их, пока Джеймс застёгивал крепления. Руки у мальчишки были холодными и не дрожали. Губа распухла и покрылась коркой.

— Когда назад? — спросил Тим.

— До часу.

— А если не придёшь до часу?

— Приду.

— А если нет?

Джеймс посмотрел на него. Мальчишка стоял у шлюза, держа в руках пустой карабин от баллона, и ждал ответа так, как ждут ответа на вопрос, который действительно хотят знать.

— Тогда скажешь Марте, что я не пришёл, — сказал Джеймс. — Она знает, что делать.

— Что?

— Идти без меня.

Тим ничего не сказал. Он отдал карабин и отошёл к переборке.

Джеймс задраил люк над собой.

Ночью вода была другой. Днём город стоял в синеве, освещённый сверху, и каждый фасад, каждое окно, каждая машина были видны на десятки метров. Ночью синевы не было. Была чернота, плотная, ровная, без верха и без низа, и в ней жил только конус света от прожектора, узкий, бледный, полный взвеси. Всё, что попадало в конус, появлялось из ниоткуда и в никуда уходило. Стена. Окно. Фонарный столб с оборванным плафоном. Номер дома на табличке, синий с белым. Рыба, тонкая, плоская, которая застыла в свете и смотрела на него обоими глазами с одной стороны головы.

Он шёл по проспекту по памяти. Перекрёсток. Ещё один. Щит с половиной улыбки шевельнулся в луче, на мгновение показал белую детскую руку и пропал. Эстакада скрипела где-то впереди и справа, и он знал, что скрип будет слышен до самого входа в метро, и он был слышен.

Вход был на месте. Перила, лестница, синий круг с буквой. Он опустил Бочку на тротуар у самого провала, развернул носом вниз и посмотрел на часы. Без двадцати десять.

Бочка влезала в лестничный проход впритык. Он это знал ещё днём, когда смотрел. Сфера проходила между перилами с запасом в ладонь, шлюзовая камера сзади — с запасом в два пальца. Манипуляторы пришлось сложить и прижать к корпусу. Он пошёл вниз по лестнице на самом малом, носом вперёд, касаясь брюхом ступеней, и каждая ступень отзывалась в корпусе глухим ударом. Перила скребли по бортам. С потолка сыпался ил и вставал в луче рыжим облаком.

Площадка. Поворот. Каска у турникета.

Он не стал на неё смотреть.

За турникетами начинался вестибюль, широкий, низкий, с квадратными колоннами. Стены облицованы плиткой, светлой, с синей полосой поверху. На полу — разбросанные вещи, которые семь лет назад кто-то бросил, убегая: сумки, ботинок, зонт, коляска без колёс. Всё

под ровным слоем ила, серое, одинаковое. Вдоль стены тянулись автоматы, из которых раньше продавали билеты, и на экране одного из них ещё держалась наклейка с надписью.

Потом эскалаторы. Три ленты, уходящие вниз под углом, в темноту. Средний был перегорожен упавшей рекламной панелью. Джеймс провёл Бочку над левым, так низко, что поручень эскалатора проплывал под самым иллюминатором, резиновый, чёрный, лопнувший в нескольких местах, с бахромой водорослей на изломах.

Внизу, на платформе, луч ушёл далеко вперед и не нашёл стены.

Это была большая станция. Длинный зал с двумя рядами колонн и платформами по обе стороны. Свод высокий, арочный. На своде, между колоннами, шли мозаики. Джеймс поднял прожектор и повёл им по своду, медленно, от одной арки к другой.

Мозаики были цветными. Под илом, под налётом, под тонкой бурой плёнкой проступали синие, жёлтые, красные куски смальты. Корабли. Высокие, парусные, старинные, с выгнутыми бортами и рядами пушечных портов. Город на берегу, с башнями и шпилями. Рыбаки, вытягивающие сеть. Женщина на берегу с ребёнком на руках, глядящая в море. Солнце над водой, золотое, с прямыми лучами. Мозаика шла от арки к арке, и каждая арка была отдельной картиной, и все вместе они рассказывали историю города, который жил морем, кормился морем и смотрел в море.

Под последней аркой мозаика обвалилась. На полу лежала гора смальты, и в ней поблёскивали в свете золотые кусочки, мелкие, как зёрна.

Джеймс опустил прожектор и пошёл в тоннель.

Тоннель был круглым, тесным, с рельсами внизу и с кабельными лотками вдоль стен. Бочка шла по нему, как пробка по горлышку: сфера почти касалась свода, и прожектор упирался в темноту в двадцати метрах впереди, где тоннель плавно поворачивал. За поворотом — ещё двадцать метров, и снова поворот. Кабели в лотках обросли, свисали петлями. Стены были в пятнах. Через каждые сто шагов в стене открывалась ниша, и в нише висела табличка с цифрами.

Угри вышли из лотков на третьей сотне метров.

Джеймс увидел сначала движение: петля кабеля шевельнулась, когда винт прошёл мимо. Потом понял, что это не кабель. Длинное, бледное, с палец толщиной, оно вытягивалось из лотка навстречу лодке, медленно, слепо, вода головой из стороны в сторону. Потом второе. Третье. Через минуту из лотков по обе стороны тоннеля тянулось с десятков бледных лент. Глаз у них не было. На месте глаз была гладкая кожа, белая, как у утопленника.

Одна лента коснулась корпуса. Джеймс почувствовал это — лёгкий удар, потом ещё один, частые, как постукивание пальцами. Она обвилась вокруг манипулятора, прижатого к борту, и потянулась по нему вверх, к сфере.

Он остановил винт.

Угри замерли. Все разом. Висели в воде неподвижно, растопырившись бледными лентами, и только головы ещё чуть покачивались. Тот, что обвил манипулятор, ослабил хватку, потом медленно, неохотно, начал сползать назад.

Джеймс подождал. Тоннель молчал. Угри втягивались обратно в лотки, один за другим, пока не втянулся последний.

Он дал короткий толчок винтом. Секунда. Остановил.

Из лотка в двух метрах впереди высунулась голова. Покачалась. Втянулась.

Он понял. Они шли на дрожь. На вибрацию винта, которая шла по воде и по стенам тоннеля, по рельсам, по кабелям. Свет им был не нужен, они его не видели. Они слушали.

Дальше он шёл толчками. Толчок, пауза, скольжение. Толчок, пауза. Бочка двигалась по тоннелю рывками, теряя скорость в паузах и снова набирая её, и угри высовывались из лотков на каждый толчок и втягивались обратно, не успевая дотянуться. Это было медленно. Он смотрел на часы и считал.

Двадцать минут на четыреста метров.

На следующей станции было темнее.

Он не сразу понял почему. Потом понял: здесь ил лежал гуще, и всё, что было на стенах, на потолке, на колоннах, пряталось под ним целиком. Мозаик не было, или их не было видно. Луч прожектора шёл по ровной серой поверхности, и всё было одного цвета, и всё было плоским, и только колонны отбрасывали тени.

У дальнего конца платформы, над выходом в город, висела табличка.

Синяя, прямоугольная, на двух цепях, наклонившаяся набок, потому что одна цепь пережавала и оборвалась. Белые буквы. Стрелка. «Выход в город».

Джеймс смотрел на неё и не двигался.

Таблички в метро везде одинаковые. Синий фон, белые буквы, стрелка. Их делают на одном заводе, вешают на одинаковые цепи, и на каждой станции любого метро в любом городе есть такая, над лестницей наверх. Он знал это. Он видел их сотни.

На его станции, той, у порта, табличка висела над правой лестницей, и одна цепь у неё тоже была короче другой, и она тоже висела криво. Её так и не поправили. Тео каждый раз, проходя мимо, говорил, что напишет жалобу.

День был ясным, и в порту пахло соляжкой и водорослями, как всегда в конце лета. Они с Тео сидели на кнехте у пятого причала и ели хлеб с сыром из одного пакета. Работы было немного. Буксир, на котором они должны были осматривать винт, задерживался, и диспетчер по радиации сказал: ждите до обеда. Тео не возражал. Тео никогда не возражал против того, чтобы ждать до обеда.

В кабине крана над ними работало радио. Новости. Голос диктора, ровный, привычный, говорил про войну, про переговоры, про удар на юге, про то, что ситуация под контролем. Про войну говорили уже полгода, и все давно перестали слушать. Крановщик сделал потише.

— Ты пойдёшь? — спросил Тео.

Джеймс знал, о чём он. Бумажка лежала в нагрудном кармане комбинезона, сложенная вчетверо. Пришла вчера, с курьером, на домашний адрес. Явиться к эвакуационному причалу номер два к четырнадцати часам. При себе иметь пропуск и документы. Багаж — одна сумка.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь, — повторил Тео и засмеялся с набитым ртом. — Ему место на ковчеге дают, а он не знает. Я бы пошёл. Мне бы дали — я бы пошёл. Сыр бери.

— Там всё равно ничего не будет.

— Тогда тем более иди. Отдохнёшь. Помидоры поешь.

Тео смеялся над этими помидорами уже неделю, с тех пор как Джеймс рассказал ему про теплицы. Теплицы он видел своими глазами, когда ставил шлюзы: длинные ярусы под лампами, ровные ряды, и в рядах — кусты, на которых висели зелёные помидоры, ещё не созревшие. Тео сказал тогда, что вот ради этого стоит строить конец света, и с тех пор вспоминал помидоры по любому поводу.

Чайки поднялись с воды все разом.

Джеймс заметил это потому, что звук был неправильным. Чайки в порту кричали всегда, но они кричали по одной, по две, кругами, лениво, привычно. А тут поднялись сразу все. С воды, с причалов, с крыш пакгаузов, с крана. Тысяча, больше. Поднялись разом, с одним общим шумом, похожим на треск, и пошли не кругами, а прямо. Вглубь берега. На север. Прочь.

Тео перестал жевать.

— Это что? — спросил он.

Джеймс не ответил. Он смотрел на воду.

Вода уходила.

Сначала он не понял, что видит. Вода у пятого причала стояла как стояла, тёмная, спокойная, в масляных разводах, и вдруг стала ниже. Не волной, не рывком — просто ниже, на полметра, на метр, словно кто-то вынул пробку. Обнажились сваи, зелёные, в бахrome водорослей, потом ракушки на сваях, потом ил под сваями. Вода уходила от причала быстро, с тихим шипением, и уносила с собой мусор, доски, пустые бутылки, и буксир у шестого причала накренился, потому что под ним стало мелко, и лёг на борт.

На соседнем причале кто-то засмеялся. Люди выходили из пакгаузов, из контор, из кабин кранов и шли к краю. Смотрели. Показывали пальцами. Кто-то полез вниз по лестнице, на обнажившееся дно, туда, где в иле билась рыба. Кто-то снимал на телефон.

Джеймс встал.

Он знал, что это значит. Он не знал откуда — откуда-то из того, что учил когда-то, давно, на курсах, где объясняли, что делать, если. Он знал, что после того, как вода уходит, она возвращается. И знал, сколько обычно проходит времени. Минуты. Десять. Может, меньше.

— Тео, — сказал он.

— Чего?

— Беги.

— Куда?

Джеймс обернулся. Порт лежал вокруг него, длинный, плоский, низкий. Причалы, пакгаузы, краны, площадки с контейнерами. Дальше — город. Улица вверх от порта, к вокзалу. Вокзал на холме. Холм — высоко. Но до холма было два километра. Две тысячи метров вверх по улице, по которой сейчас шли люди, не к холму, а к воде, посмотреть.

А в двухстах шагах, у ворот порта, был вход в метро. Станция «Портовая». Глубокая, старая, построенная ещё тогда, когда метро строили как бомбоубежища. Сейчас в ней, в обеденный час, на платформах было человек двести. Утренняя смена шла домой, дневная шла на работу. Поезда приходили каждые четыре минуты.

Вода, когда вернётся, пойдёт туда. Он это знал так же ясно, как знал, куда пойдёт вода в шлюзовой камере, если открыть нижний клапан. Она пойдёт туда, где ниже. В вестибюль. В тоннели. На платформы.

И у тех, кто внизу, не будет даже минуты.

— Метро, — сказал Джеймс. — Тео, метро.

Тео посмотрел на него, потом на воду, потом на вход в метро у ворот. Потом сунул пакет с хлебом в карман и побежал.

Они бежали к метро, а все остальные шли к воде.

Джеймс помнил это лучше всего. Не волну, не воду в тоннелях, не темноту. Это. Как они бежали вдвоём через площадь у ворот порта, против потока, а люди шли им навстречу, смотрели на них удивлённо, отступали в сторону, пропуская, и шли дальше. К причалам. Смотреть на рыбу в иле.

Он кричал им. Он помнил, что кричал. Что именно, не помнил.

Табличка «Выход в город» висела над правой лестницей, криво, на короткой цепи. Они пробежали под ней вниз, через турникеты, не останавливаясь, по эскалатору, который ещё работал и вёз людей вниз, спокойных, с сумками, с наушниками в ушах. Тео кричал им, чтобы поднимались. Кто-то послушался. Кто-то нет.

На платформе было много людей. Поезд только что ушёл, и следующий ещё не пришёл, и люди стояли вдоль края, смотрели в телефоны, разговаривали. Джеймс стоял посреди платформы, и он не знал, что сказать двумстам людям, чтобы они поверили ему за десять секунд.

Потом пришёл звук.

Он шёл сверху, через своды, через землю, через бетон. Низкий, тяжёлый, огромный, ни на что не похожий. Не грохот и не гул. Платформа под ногами дрогнула. С потолка посыпалась пыль. Свет мигнул.

Люди подняли головы.

Потом свет погас, и пришла вода.

Он не видел, откуда она пришла. Он услышал её: рёв на лестницах, в вестибюле, в тоннелях, со всех сторон сразу. Потом она ударила его по ногам, холодная, тяжёлая, и сбила, и протащила по платформе, и он нашёл в темноте колонну и вцепился в неё. Кругом кричали. Вода стояла по пояс, по грудь, и всё прибывала, и в ней было всё — мусор, сумки, люди, тела.

У Тео на каске был фонарь. Круглый, в резиновом корпусе, с ремешком, обмотанным синей изолентой, потому что пряжка треснула ещё весной, а новую Тео так и не попросил. Они всегда носили каски в порту. Даже на обеде. Джеймс увидел этот фонарь в темноте, далеко, у другого конца платформы, — белое пятно над чёрной водой, которое металось из стороны в сторону.

Его собственный фонарь включился, когда он нащупал выключатель.

В луче была вода, по грудь, и в воде люди. Рядом. Женщина с ребёнком, которого она держала над головой. Мужчина в форме машиниста. Девушка, которая держалась за колонну так же, как он, и смотрела на него круглыми глазами. Старик. Кто-то ещё.

Ближе всех к нему были эти. Не те, к кому побежал Тео. Эти.

Он не выбирал. Он потом думал об этом много лет — выбирал или нет. Не выбирал. Он просто взял тех, кто был рядом, потому что они были рядом, и повёл их к лестнице, к правой, к той, что под табличкой, потому что правая лестница шла к выходу на холм, а левая — к порту. Вода стояла по грудь и прибывала. Он кричал, чтобы держались друг за друга. Женщина отдала ему ребёнка, и он посадил его себе на плечи. Ребёнок вцепился ему в волосы и не кричал.

— Тео! — кричал он через плечо. — Тео, сюда!

Белое пятно в конце платформы качнулось.

— Там люди! — Голос Тео еле доходил через рёв воды. — Там ещё люди! У тоннеля! Я сейчас!

— Тео!

— Иди! Я догоню!

Джеймс повёл своих наверх.

Лестница была залита. Вода шла по ней сверху вниз, потоком, и они поднимались против потока, цепляясь за поручни, падая, поднимаясь. Ребёнок на плечах держался. Наверху, в вестибюле, вода стояла по пояс и всё ещё шла, но слабее. Через выбитые двери был виден свет. Серый, дневной. Он вывел их на улицу. Улица была рекой. Вода текла по ней вниз, к порту, бурая, в пене, и несла машины, и деревья, и крыши каких-то павильонов. Он показал им наверх, к вокзалу, к холму, и они пошли, держась за стены, за столбы, друг за друга, по колено в текущей воде.

Женщина забрала ребёнка. Посмотрела на Джеймса, хотела что-то сказать, не сказала, пошла.

Он вернулся вниз.

На часах над входом было без двадцати два. В нагрудном кармане комбинезона размокала сложенная вчетверо бумажка.

Он помнил, как спускался. Вода в вестибюле поднялась ещё. На лестнице она стояла уже под потолком, и он нырял, и плыл по лестнице вниз в чёрной воде, светя себе фонарём на каске, и видел в луче ступени, поручни, чьи-то руки, чьё-то лицо, которое смотрело на него из воды открытыми глазами и не моргало. Он плыл мимо. Он вынырнул на платформе, под самым сводом, где оставался воздух, полметра, может, меньше. Его фонарь светил по чёрной воде, по колоннам, по своду, по тому концу платформы, где был Тео.

Там, где был Тео, не было свода.

Тоннель обрушился. Весь конец платформы, от последней колонны до входа в тоннель, был завален. Бетон, арматура, земля, камни. Вода шла через завал, сочилась, шумела. Над завалом не было воздуха.

Он плыл к завалу. Он помнил это. Он доплыл и положил руку на бетон, на острый край обломка, торчащий из воды, и держал её там, и шарил другой рукой по завалу, по камням, по арматуре, и искал. Белое пятно. Фонарь. Синюю изоленту. Что-нибудь.

Он ничего не нашёл.

Рука лежала на бетоне. Пальцы не разжимались. Он держал её там, пока вода не поднялась до свода и не кончился воздух. Потом его отодрало течением и вынесло к лестнице. Он не помнил как.

Рука лежала на рукояти манипулятора.

Джеймс посмотрел на неё. Пальцы сжимали рукоять так, что костяшки побелели. Он разжал их, по одному, медленно. Посмотрел на часы.

Без пятнадцати одиннадцать. Он стоял на этой станции под табличкой одиннадцать минут.

Он вытер лицо ладонью — лицо было мокрым, хотя в сфере сухо, — и включил винт.

Следующий тоннель шёл вниз.

Он понял это по эхолоту и по тому, как Бочка просела: тоннель уходил под реку, глубже, и вода здесь была холоднее и чернее. Ни отблеска сверху, ни следа света. Прожектор бил вперёд и упирался в стену темноты, в которой тонул без остатка. Угри здесь не водились. Здесь было слишком глубоко и слишком холодно даже для них.

Здесь водилось другое.

Сначала он принял это за отражение. Где-то впереди, у самого края луча, в темноте висела точка света. Маленькая, голубоватая, мягкая, она висела неподвижно и чуть пульсировала, разгораясь и угасая. Потом справа от неё зажглась вторая, потом третья, выше, потом сразу пять, россыпью, по всему своду тоннеля впереди.

Джеймс выключил прожектор.

Огоньки остались. Теперь, без луча, их было видно хорошо: голубые, зеленоватые, они висели в темноте, как звёзды, и медленно, тихо пульсировали, каждый в своём ритме. Красиво. Он смотрел на них и чувствовал, как его тянет к ним. Как тянет любой свет в темноте. Подойти ближе. Посмотреть.

Под одним огоньком, в отблеске от него, он разглядел пасть.

Огромная, полукругом, распахнутая, с рядами зубов, тонких и длинных, как иглы. Над пастью, на гибком отростке, висел огонёк. Сама рыба была чёрной, сливалась с темнотой, и он не видел ни её глаз, ни её тела. Только пасть. И огонёк, который висел перед пастью, как фонарь, который держат перед дверью.

Удильщики. Он слышал про них. Глубоководные. Раньше их почти никто не видел живыми. Теперь, говорили, они поднялись вслед за водой и жили в тоннелях, в шахтах, в подвалах — везде, где было темно, как на их прежней глубине.

Огоньки висели у стен тоннеля. Ни один не висел посередине. Они ждали у стен, у ниш, у кабельных лотков, там, куда должно было заплывать что-то, что идёт на свет.

Джеймс посмотрел на эхолот. Тоннель шёл прямо, ещё метров двести, без поворотов. Посередине было пусто.

Он повёл Бочку посередине, в полной темноте, по эхолоту, не включая прожектор. Огоньки проплывали по сторонам, справа и слева, медленно, тихо, сначала далеко, потом близко, потом совсем рядом — на расстоянии вытянутой руки от иллюминатора, голубые, мягкие, и под каждым в отблеске угадывалась пасть. Ни одна не двинулась. Они ждали, что он подойдёт к ним сам.

Он не подошёл.

Станция у реки была другой.

Он понял это ещё в тоннеле, когда эхолот показал, что впереди свод уходит вверх. Высоко вверх, выше, чем на других станциях. А потом впереди, в темноте, появился свет. Не голубой, не мягкий, не пульсирующий. Жёлтый. Тёплый. Неровный. Свет огня.

Он вывел Бочку из тоннеля на платформу и остановился.

Станция была круглой, под куполом. Купол был высоким, метров пятнадцать над платформой, и под куполом стояла граница — серебряная, плоская, широкая, во весь купол. Над границей был воздух. Много воздуха. Купол был герметичным, и вода, поднимаясь, загнала воздух под него и заперла, и он остался там на семь лет.

А над границей, в воздухе, горели огни.

Джеймс поднял лодку медленно, глядя вверх. Огни были фонарями. Лампы, керосиновые или масляные, висели на крюках, вбитых в купол, на верёвках, натянутых между колоннами. Под ними, на высоте, над водой, был настил: доски, двери, листы фанеры, уложенные на балки, прикрученные к колоннам, к старым светильникам, к чему угодно. Настил шёл по кругу купола, ярусом, и на нём стояли какие-то будки, шалаши, натянутые полотнища. Висело бельё. С края настила в воду спускалась лестница, верёвочная, с деревянными перекладинами.

И на настиле стояли люди. Смотрели вниз. На свет его прожектора, бьющий из воды.

Джеймс выключил прожектор.

Он всплыл к самой границе и открыл верхний люк. Не до конца: на ладонь. Воздух, который пошёл внутрь, был прохладным, затхлым, но живым. В нём пахло дымом, рыбой, сыростью и людьми. Он поднялся и высунул голову из люка.

Над ним, на настиле, у края, стояли пятеро. Двое держали в руках остроги — длинные шесты с наконечниками из заточенной арматуры. Третий держал фонарь. Четвёртый, мальчишка, просто смотрел. Пятой была женщина.

Она была старой. Седые волосы, длинные, заплетённые в косу, перекинутую через плечо. Лицо худое, белое, как у всех, кто долго живёт без солнца. Глаза светлые, очень светлые, почти прозрачные. На ней было что-то вроде куртки, сшитой из кусков брезента и резины. Она не держала оружия. Она стояла на краю настила, сложив руки на груди, и смотрела на Джеймса сверху вниз.

— Ты с той лодки, — сказала она. — С большой. Которая стоит у эстакады.

Джеймс молчал.

— Мы слышали, как ты шёл по тоннелю. Ты шёл толчками. Умно. Мои так ходят. Мало кто догадывается. — Она помолчала. — Меня зовут Агата. Что тебе нужно?

— Река, — сказал Джеймс. — Что за мостом.

— Зачем?

— Нам выходить.

— Через мост? Там Крюк.

— Знаю.

Агата смотрела на него долго. Потом обернулась к мальчишке с фонарём.

— Подай ему руку.

На настиле было тесно. Доски прогибались под ногами, и под досками, в метре ниже, стояла чёрная вода, в которой отражались огни. Агата провела его вдоль края, мимо будок, мимо людей, которые выглядывали из-под полотнищ. Их было много. Тридцать, может, сорок. Белые лица, светлые глаза, все одинаково худые, одинаково одетые в брезент и резину. Дети тоже. Ребёнок лет пяти сидел на краю настила и болтал ногами над водой, и в руке у него была рыба, сырая, маленькая, и он ел её, как яблоко.

Посередине купола, на самом широком месте настила, был очаг. Железный лист на кирпичках, и на листе тлели угли. Над углями висел котёл. От очага вверх, к центру купола, шла

труба, жестяная, составленная из кусков, и уходила в потолок, в чёрную дыру, где раньше, наверное, была вентиляционная решётка.

— Шахта, — сказала Агата, проследив его взгляд. — Выходит наверх. В будку на набережной. Будка стоит выше воды. Оттуда воздух. Мы качаем его мехами, вот этими, по очереди, каждые два часа. Дым уходит туда же. Семь лет так.

— Семь лет, — повторил Джеймс.

— Семь лет, — сказала Агата. — Мы пришли сюда в первый день. Когда вода пошла. Спустились, потому что здесь было глубоко и тепло, и думали переждать. Потом вода поднялась. Выйти было уже некуда. Мы остались. Сначала нас было двести, потом меньше.

Она села на ящик у очага. Показала ему на другой. Джеймс сел.

— Наверх никто не хочет? — спросил он.

— Хочет. Иногда. Уходят. — Агата протянула руки к углям. Руки были узловатыми, с распухшими суставами. — Возвращаются тоже. Не все.

— Почему возвращаются?

— Потому что наверху выбирают, кого кормить, — сказала Агата. Она сказала это спокойно, без нажима. — А здесь никто никого не выбирает. Рыбы хватает на всех. Воздуха хватает на всех. Мало, но на всех. Здесь никого не оставляют на крыше. — Она посмотрела на него. — Ты ведь знаешь, о чём я. У вас на лодке тоже считают.

Джеймс смотрел на угли.

К очагу подошёл человек. Средних лет, тощий, с редкой бородой, с острогой в руке. Сел рядом с Агатой на корточки, посмотрел на Джеймса.

— Вы на юг? — спросил он.

— На юг.

— К убежищу?

Джеймс промолчал.

— Я слышал про него, — сказал человек. — Давно. От тех, кто сверху приходил. Говорят, там тепло. Говорят, там теплицы. И ещё говорят... — Он помолчал, глядя в угли. — Говорят, когда люди туда пришли, в самом начале, ворота уже были закрыты. Изнутри. И никто не открыл. Никому.

Угли потрескивали. Где-то наверху, под куполом, капала вода — редко, громко, в одну и ту же лужу на досках.

Джеймс смотрел на угли.

— Ты знаешь про это, — сказала Агата.

Сказала тихо, ровно, глядя на него своими прозрачными глазами.

Джеймс поднял голову.

— Ты знаешь, — повторила Агата. — Когда он сказал про ворота, ты перестал дышать. На три вдоха. Я считала. Я тут семь лет считаю, кто как дышит. По дыханию многое видно. — Она протянула руку и коснулась его колена. Коротко, сухо, как касаются вещи, чтобы проверить, настоящая ли она. — Мне всё равно, что ты знаешь. Мне не нужно на юг. Но ты не умеешь врать, водолаз. Учти это. Наверху тебе это понадобится.

Он промолчал. Она убрала руку.

— За мостом бон, — сказала Агата. — Бочки на цепи, поперёк реки. Крюк поставил весной. Посередине мелко, там сели бы. У правого берега, у третьей опоры моста, бочки не сходятся. Там проход. Метров десять. Глубоко. Наши ходят там на лодках, когда меняем рыбу у постовых на керосин. Постовые знают. Им всё равно. Им с нами хорошо.

— Вы меняетесь с людьми Крюка?

— Мы меняемся со всеми, кто меняется с нами. — Агата пожала плечами. — Рыба на керосин. Керосин на свет. Свет на то, чтобы видеть, кого кормить. Ты бы тоже менялся.

— Постовые знают про проход.

— Знают. Но ночью они спят. Один спит всегда, второй — когда первый проснётся. Так у них заведено. — Агата впервые за весь разговор чуть улыбнулась. — Крюк этого не знает. Ему не скажут. Мы — тоже.

Джеймс встал. Агата смотрела на него снизу.

— Мы стоим у эстакады, — сказал он. — Под башней на углу. До трёх. Потом уйдём.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Если кто-то захочет наверх.

Агата смотрела на него. Человек с остройгой смотрел на него тоже, потом на Агату, потом снова на него.

— Ты говоришь, где вы стоите, — сказала Агата медленно, — женщине, которая меняется с людьми Крюка.

— Да.

— Почему?

Джеймс не знал, почему. Он подумал. Не придумал.

— Ты не умеешь врать, — сказал он. — Ты сама сказала. Я тоже.

Агата долго молчала, потом отвернулась к очагу.

— Иди, водолаз, — сказала она. — Пока прилив не ушёл.

Он вышел из станции через выход к реке. Прошёл под мостом в сорока метрах от поста, у самого дна, на минимальном ходу, без света. Над головой, в мутной жёлтой воде, на фоне чуть более светлого неба, висела лодка постовых, и он видел её тень и тень от верёвки, которой она была привязана к опоре. Ни звука сверху. Ни огонька.

Бон был там, где сказала Агата. Бочки, ржавые, пустые, скованные цепью, покачивались у поверхности ровной линией поперёк реки. Он прошёл вдоль линии к правому берегу, к третьей опоре, и там, где бочки должны были сойтись, был провал. Две бочки оторвались и ушли, и цепь висела пустая, провисшая, уходя в воду. Он измерил. Девять метров ширины. Восемь глубины под цепью.

Он записал цифры на ладони и пошёл назад.

На обратном пути угри снова вышли из лотков, и он снова шёл толчками. Удильщики висели у стен, голубые, мягкие, ждали. Табличка «Выход в город» висела над лестницей, криво, на одной цепи. Он прошёл под ней, не останавливаясь, не поднимая головы. Мимо каски у турникета. Вверх по лестнице. На проспект.

«Ковчег» стоял под башней, тёмный, неподвижный. Джеймс поднялся под киль, в раму шлюза, и услышал, как наверху по железу затопали.

Тим открыл люк раньше, чем он успел постучать. Мальчишка сидел у шлюза всё это время, четыре часа, на ящике, рядом с полотенцем. Полотенце было сухим и сложенным.

— Без двадцати два, — сказал Тим.

— Знаю.

— Ты сказал до часу.

— Знаю.

Тим протянул ему полотенце и ничего больше не сказал.

В рубке он положил ладонь на стол, на карту. Цифры расплылись, но читались. Бон, провал у третьей опоры, девять метров, восемь глубины. Пост — двое, спят по очереди.

— Откуда про пост? — спросила Марта.

— Там люди, — сказал Джеймс. — На станции у реки. Под куполом. Сорок человек.

— Нырки, — сказал Бекет со своих одеял. — Я про них слышал. Крюк с ними меняется.

Они не врут, говорят. Но и своих не сдают.

— Ты сказал им, где мы стоим? — спросила Марта.

Джеймс посмотрел на неё.

— Да.

Сайрус перестал листать таблицы. Бекет приподнялся на локте. Марта смотрела на Джеймса долго, и он не отводил глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.